

Женить чудовище

Автор:

[Елена Трифоненко](#)

Женить чудовище

Елена Трифоненко

На Таню свалилась куча проблем сразу: развод, потеря работы, трудности с выплатой ипотеки. И вот как-то ночью ей поступает заманчивое деловое предложение. Чтобы получить работу мечты, она должна выполнить одно непростое поручение. Ей нужно найти жену наглому самодовольному толстосуму. Тот бесит Таню одним только видом, а требования к потенциальной невесте у него просто безумные. Но чего не сделаешь ради денег. Таня берется и за поиски невесты, и за перевоспитание несносного богача.

Елена Трифоненко

Женить чудовище

Глава 1

Ой, что это? Почему в техзадании, сброшенном заказчиком, просят написать цикл статей от лица многодетной матери? Я же договаривалась на статьи об украшениях: о кольцах там, о серьгах. А-а-а! Я что, опять напутала, когда брала заказ? Да твою ж дивизию, сколько можно?

Мне хочется бегать по потолку и причитать. У меня нет детей, ни одного, и я понятия не имею, как проходят будни многодетной матери. У меня и подруг-то

таких нет. У Сони – двое детей, у Милы, как и у меня, ни одного.

Я выпиваю стакан воды, чтобы успокоиться. Я сильная и независимая женщина. Я справлюсь.

В конце концов, мне и не такое заказывали.

Вот в марте я спокойно написала цикл статей от лица ведьмы Анастасии. Редакция одной крохотной газеты снабдила меня письмами читателей – я на них отвечала, давала советы. Чуть не умерла от смеха, конечно, пока сочиняла заметки, но ведь справилась же. Придумала кучу способов снятия порчи, сто вариантов приворота. Читатели остались довольны, писали в редакцию, что мои советы их спасли.

Неужели я и не напишу о детях?

Я пытаюсь приосаниться, с гордым видом взглянуть в светлое будущее, но тут же сдуваюсь, втягиваю голову в плечи.

Черт! Тема детей для меня все еще болезненна.

Мы с мужем четыре года пытались размножиться, но ни фига не вышло. Из-за меня. У меня от рождения не все в порядке с женским здоровьем.

Год назад один убеленный сединами профессор посоветовал нам с мужем забить на продолжение рода. «С вашими проблемами, Таня, поможет только чудо, – констатировал он, – но чудеса случаются редко, так что на них лучше не рассчитывать».

Мужа во время беседы с этим профессором словно подменили. С того дня я только и слышала от него: «За что мне это? Почему мне досталась бракованная женщина, которая не способна родить? Даже у Федьки-алкаша есть сын, и у Кольки-горбатого двое, хотя ему вообще не стоило плодиться».

Меня хватило на два месяца подобного мозговыноса, потом я собрала вещи и ушла. Отравлять кому-то жизнь – такое себе занятие.

После развода я стараюсь не думать о материнстве. Просто запрещаю себе и все. На те деньги, что я откладывала с зарплаты на приданое для малыша, я взяла ипотеку. Теперь у меня есть своя однушка, этого вполне достаточно для сильной и независимой.

Хотя ипотеку еще надо выплатить. С ней у меня что-то тоже не клеится. Полгода назад я потеряла работу и никак не найду новую. Бегаю вот теперь по биржам фриланса, хватаюсь за любые заказы. И косячу, косячу постоянно. А потом в кошмарах мне снится, как мою однушку загребает банк.

Так, все, хватит сопли размазывать, надо браться за ум. Отказываться от цикла статей – слишком дорогое удовольствие. Я все напишу. У меня с детства хорошая фантазия и легкий слог.

Я беру листок и записываю все, что приходит в голову.

Хм... Детей у меня будет трое: мальчики-двойняшки и девочка. Мальчишкам будет восемь лет, девочке – три года. Сыновья будут заниматься плаванием, дочка танцами, а по вечерам мы будем устраивать дома кукольный театр.

Ой, что это за странные мокрые пятна на листе, почему чернила расплываются?

Я осторожно разглаживаю бумагу пальцами. Блин, это слезы. Капают.

Спокойно, Таня, спокойно: это всего лишь очередная заметка, не надо принимать ее близко к сердцу.

Я вооружаюсь пачкой бумажных платочков и открываю «Ворд», вбиваю название будущей статьи.

«Шоппинг с детьми».

Первые строчки идут из меня с трудом, но уже на втором абзаце я вхожу во вкус, воображение разыгрывается. Я описываю, как мы с детьми классно шопимся, в отличие от других родителей с невоспитанными отпрысками. Мои дети, естественно, образец для подражания: ничего не хватают, всегда вежливы и мило улыбаются продавцам.

В конце заметки я даю читательницам несколько советов. Ну таких: приходите в магазин только со списком покупок, не потакайте детским истерикам.

Перечитав статью, довольно потираю руки. По-моему, я молодец. Но завтра, пожалуй, подкину эту заметку Соне, пусть оценит, достоверно ли у меня получилось. Может, она и мои советы заодно возьмет на вооружение. Ее младший иногда так выкаблучивается в супермаркете – ужас.

Сохранив текст, я смотрю на часы. Ничего себе: два часа ночи! Отлично я провела вечер пятницы – прямо закачаешься. Хотя в последнее время у меня почти все пятницы такие: деньги даются мне непросто.

Я переодеваюсь в пижаму и, почистив зубы, устраиваюсь на диване. Прежде чем заснуть, проверяю через телефон любимый сайт с вакансиями. Тот меня не радует: мое резюме никого не впечатлило, приличной работой не пахнет.

Ну что же, буду надеяться, что завтра мне повезет больше.

Я устраиваюсь удобней. Спустя пару минут уже почти засыпаю, но вдруг оживает мобильник – он моргает экраном и жужжит.

Господи, надеюсь, это просто номером ошиблись, ведь обычно в это время звонят, только если что-то случилось.

Я сажусь и хватаю телефон.

– Алло.

– Здравствуйте! Могу я поговорить с Татьяной Кольцовой?

У звонящего мне мужчины фантастически приятный баритон. Я на автомате приглаживаю разлохмаченные волосы и одергиваю майку.

– Это я. Я вас слушаю.

– Чудесно! Извините, что разбудил. Это Сергей Борисович, генеральный директор «Формулы».

Я чувствую, как сердце замирает на пару секунд. «Формула» – это фирма моей мечты. Месяц назад я подняла все свои связи, чтобы попасть к ним на собеседование, но мне так и не перезвонили. Я уже и надеяться перестала.

– Вы были у меня на собеседовании в мае, помните? – больше утверждает, чем спрашивает Сергей Борисович.

– Разве? Не уверена. – Я на всякий случай изображаю амнезию. Моя подруга Мила – менеджер по персоналу, она постоянно твердит, что кандидат на вакансию не должен казаться оголодавшим – это отпугивает.

Сергей Борисович покашливает, а потом добавляет своему тону интимности:

– На вакансию SMM-менеджера, мы взяли мужчину, но вы, Татьяна, скажу честно, были номером два из всех наших претендентов. Ваши рассказы о том, как вы помогаете всяким неудачникам найти любовь на сайте знакомств, впечатлили мою команду.

Мне становится нехорошо. И есть с чего – я до сих пор корю себя за то, что слишком разговорилась на собеседовании в «Формуле». Вот зачем я рассказала эйчарам, что помогала людям вести переписки на сайтах знакомств? У меня и правда была пара таких заказов, но звучит все это совершенно не солидно. Лучше бы я соврала, что вела блог для какого-нибудь «ХэдХантера», ей богу.

– А еще мне понравилось слушать, как вы учите своих клиентов вести себя на свидании, – продолжает заливаться соловьем Борисович. – Вы многостаночник, Татьяна. Сразу видно, что диплом специалиста по связям с общественностью вы получили по зову души. И ваши таланты надо обязательно пустить в дело.

М-да, кажется, с этим Борисовичем все понятно. Дядя решил разнообразить себе вечер и думает, что за вакансию я прямо сейчас приеду демонстрировать ему свои таланты. Козлина!

– Что простите? – изумленно переспрашивает Борисович. – Кто козлина?

Черт! Я что, сказала это вслух?

- Это я не вам! - тороплюсь заверить я. - Я... Я - коту! Он цветок обгрыз.

- Вы еще и цветы разводите? - цокает языком мой собеседник. - Поистине, талантливый человек талантлив во всем. Но давайте без обиняков, Танечка. Вам еще нужна работа?

- Нужна, - брякаю я на автомате, хотя фамильярность жутко режет слух.

- Очень хорошо. Я хочу, чтобы вы занялись моим... моим... - Сергей Борисович вдруг странно хрюкает и осекается. Несколько секунд он молчит, явно мучительно подбирает слова. Не часто, видимо, предлагает девушкам всякие неприличности.

На его беду, я человек добрый, отзывчивый, потому инстинктивно спешу на помощь.

- Хотите, чтобы я занялась вашим досугом?

- Нет, - обескуражено откликается Борисович. - Я хочу, чтобы вы занялись моим деловым партнером - Василием Кузнецовым, владельцем «КузнецовФарм».

На спине у меня выступает испарина. Какая я все-таки испорченная! Дядька и правда работника ищет, а я уже решила, что пристаёт. Но, блин, на часах три ночи, он там вообще, что ли, за временем не следит?

- Вы что-нибудь слышали о компании «КузнецовФарм»? - обеспокоенно уточняет Борисович.

- Да, немного, - нагло вру я, а про себя думаю, что и дураку понятно: раз в названии фирмы есть корень «фарм», значит фирма занимается лекарствами. - А какие задачи вы хотите передо мной поставить?

Мысль о том, что мне будут предлагать интим, вытесняет другая. Мне кажется, что Борисовичу я понадобилась в качестве шпионки. Наверное, он надеется, что я смогу выкрасть для него рецепт какого-нибудь нового препарата.

– Я хочу, чтобы вы помогли Василию Юрьевичу Кузнецову наладить кое-какие личные контакты, – поясняет Сергей Борисович. – Уверен, что с вашей небывалой коммуникабельностью вы справитесь с этим на пятерку.

– Какие именно личные контакты вас интересуют?

– Ну... с девушками, – решается на откровенность Борисович. – Найдите ему уже бабу нормальную, а то сам он как-то не справляется.

Я вдруг спохватываюсь. Текущий разговор совершенно дикий и не может быть правдой. Такая ахиня способна твориться только во сне. Я, видимо, переработала немного, перенервничала, вот и снится теперь полная фигня.

Я с энтузиазмом щипаю себя за бедро, дабы убедиться, что сплю.

– Ай!

– Что такое? – пугается Борисович.

– Ничего! Ну, то есть, кое-что случилось, но не страшно.

– Наверное, ваш кот опять чудит? – догадывается он.

– Ага. Кыш! Брысь! Быстро слезь с подоконника!

Изображая заядлую кошатницу, я продолжаю напряженно размышлять о происходящем. Голова от усердия болит, а на лбу явно пытаются укорениться первые морщины. Что, черт возьми, происходит? Борисович перебрал с коньячком или... меня разыгрывают?

Внезапная догадка ставит все на свои места. Это Мила! Решила пошутить, подговорила кого-то из друзей. Она обожает такие вещи.

Я улыбаюсь и решаю подыграть: в моей серой жизни так мало интересных событий, что даже глупый розыгрыш сойдет за приключение.

– Знаете, а я не прочь заняться контактами вашего Василя, – говорю я деловым тоном. – Я так понимаю, это будет проектная работа?

– Да, но оплачено все будет очень хорошо.

– А постоянный контракт получить нельзя? Может, помимо Василя у вас есть и другие проблемные партнеры? Давайте я сразу всем устрою личное счастье, оптом будет дешевле.

Сергей Борисович на пару секунд теряется, а потом робко уточняет:

– Мне показалось, или мое предложение вас смущает, Танечка?

– Нет, я просто... Просто устала перебиваться подработками и хочу получить нормальный долгосрочный контракт.

Он тут же добавляет голосу деловитости:

– Мне крайне импонирует ваша амбициозность, Татьяна. Я обязательно возьму вас к себе после того, как вы решите проблемы Кузнецова. Считайте работу с ним вашим тестовым заданием.

– Отлично! Когда мне следует приступить к своим новым обязанностям?

– О, не волнуйтесь. Кузнецов свяжется с вами в ближайшее время. – Борисович без предупреждения кладет трубку.

Даже «до свидания» зажил, неблагодарный. Наверное, понял, что я раскусила розыгрыш.

Вздыхнув, я откладываю телефон и падаю обратно на подушку, отключаюсь еще в полете. Вот только поспать мне толком не удастся: спустя совсем короткое время меня будит раскатистая трель дверного звонка.

Хм, кого это принесло посреди ночи?

Глава 2

Незванный гость давит на звонок все настойчивей. Я щелкаю выключателем ночника, смотрю на часы. Половина четвертого. Друзья мои не склонны к ночным визитам, потому в голову сразу лезет нехорошая мысль: я залила соседей!

Однажды со мной такое случилось, очень давно, когда я еще была приличной замужней женщиной.

Под ложечкой холодеет, руки начинают трястись. Мне только потопы не хватало! Соседи снизу на днях установили себе натяжные потолки, и будет ужасно, если они испорчены. У меня нет средств, чтобы делать кому-то ремонт: я собственную ипотеку плачу с трудом.

Я срываюсь с дивана и бегу в прихожую. Правда, подлетев к двери, спохватываюсь: я, конечно, растяпа еще та, но воды на полу нигде нет.

Кстати, с чего я вообще взяла, что ко мне ломятся соседи? Может, это бандиты – решили попилить меня на органы?

Последняя версия смешит до колик, но я все же заглядываю в глазок. Заглядываю – и тут же зажимаю рот рукой, чтобы не выдать себя случайными звуками. Потому что за дверью у меня стоят два амбала с каменными лицами. Таких я в своем подъезде точно ни разу не видела. Да что там, такие мне только в фильмах попадались – про мафию.

Дзынь-дзынь-дзынь!

Амбалы, кажется, готовы на все, чтобы меня достать.

Я хочу убежать от них в комнату, вызвать полицию и начать орать, как в ужастиках, но почему-то не могу пошевелиться.

Бум-бум-бум! Бандитам надоело терзать звонок, и они, видимо, решили выломать мне дверь. Молотят в нее так, что она содрогается.

Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет! Ладно меня – на органы, а дверь-то в чем провинилась?

Я разъяряюсь и вполне себе грозно ору:

– Кто там? Что вам нужно?

Стуки тут же стихают, будто их и не было.

– Здравствуйте, Танечка, – раздается из-за двери миролюбивый бас. – Мы от Василия Кузнецова, откройте, пожалуйста.

– За... зачем?

– Мы должны передать вам распоряжения Василия Юрьевича. И аванс.

Аванс! Это слово ласкает мой слух и, видимо, гипнотизирует, потому что я тут же тянусь к замку. Чувство самосохранения у меня есть и регулярно подает признаки жизни, но сейчас его напрочь вытесняет желание получить работу в «Формуле». А вдруг все по-настоящему? Я уже задолбалась перебиваться подработками, мне нужен нормальный стабильный доход, чтобы не трястись из-за ипотеки.

Когда замок щелкает, амбалы решительно вваливаются в мою квартиру.

– Простите за беспокойство, – говорит один – совершенно лысый, но с густой черной бородой.

– Что же вы ночью вот так всем подряд дверь отпираете? – возмущается другой. – Ай-ай-ай!

Оба смотрят на меня с интересом. Одеты они в уважаемые черные костюмы, но их лица с этими костюмами не вяжутся: они такие, будто мои «гости» только что кого-то прирезали в лесочке. Особенно страшная физиономия у того, что без бороды. Волосы у него сострижены до ежика, из-под него просвечивает сразу несколько шрамов. А еще у господина без бороды правое ухо будто обкусано сверху, и один глаз открывается не полностью – видимо, это

последствие какой-то травмы.

Я делаю пару шагов назад и почти сразу отчаиваюсь: убежать в моей однушке совершенно некуда.

- Ох, что-то сердце прихватило, - бормочу я, решив пустить все силы на антирекламу. Ведь эти двое точно за органами пришли: больше с меня взять нечего.

- У меня, когда с почками проблемы обостряются, всегда осложнения на сердце, - развиваю мысль я. - И на легкие тоже. У меня вот одышка как у бабули.

Я делаю несколько судорожных вдохов и даже немного хриплю для пущей убедительности. Бандиты смотрят на меня удивленно.

- Да-да, я ужасно больная женщина, - заверяю я, стараясь не дрожать. - Наследственность, знаете ли, - мама всю беременность квасила.

Бородатый бандит поворачивается ко второму, оглаживает бороду:

- Веня, а ты уверен, что мы адресом не ошиблись?

- Уверен, Гена, - отвечает тот. - Не ошиблись!

Бородач все равно хмурится:

- Василий Юрьич сказал, специалист будет, а тут какая-то тетка придурочная.

- Да она это, она! - строго возражает его дружбан (кажется, он у них за старшего). - Просто дамочка слегка разволновалась. Но это ничего. Мы ее сейчас живо утихомирим.

Он снимает пиджак и, кинув его на тумбочку, зачем-то начинает закатывать рукава рубашки. Я делаю еще шаг назад и упираюсь спиной в дверь кухни.

– Ах, да! – Бандит с покусанным ухом расплывается в улыбке и хлопает себя по лбу. – Про деньги забыл.

Он достает из кармана брюк стопку купюр и кладет ее рядом с пиджаком.

– Это вам. Сейчас вам нужно проехать с нами, Танечка. Таковы распоряжения Василия Юрьевича.

– Куда проехать? – едва ворочая языком от волнения, спрашиваю я.

– К нему домой.

– Хорошо, – киваю я, как болванчик. – Я только переоденусь.

Я делаю неуверенный шаг в сторону комнаты. Я живу на третьем этаже, и, если связать все имеющиеся простыни, можно попытаться спуститься по ним во двор. Я, конечно, жуткая трусиха, но, когда на кону собственные органы, можно и переступить, знаете ли, через некоторые фобии.

Наверное, план побега отражается у меня на лице, потому что бородач крепко хватает меня за руку.

– Не надо переодеваться, Татьяна. Вы и так прекрасно выглядите.

– Кстати, да, – говорит тот, что за старшего, – Веня. – Вы, женщины, вечно собираетесь по два часа. А Василий Юрьевич у нас человек занятой и ждать не любит.

– Но я же... – я показываю руками на пижаму. Она у меня шелковая, довольно легкомысленная – майка и короткие шорты. – Я же не одета.

Веня поддевает с полочки у двери связку ключей.

– От квартиры?

– Ага.

Он вкладывает ключи мне в руку:

- Запирайте и поехали.

Взгляд у него такой зловещий, что, кажется, лучше не возражать. И я не возражаю - нацепив шлепанцы, запираю родную однушку на два замка.

- Умница! - хвалит Веня, а его товарищ хватает меня под руку и тащит к лестнице.

Мы выходим во двор. Мужчины подводят меня к черному джипу с тонированными стеклами. На улице, как назло, не души.

У меня трясутся поджилки. Господи, меня похищают, а я не знаю, что предпринять! А все из-за того, что с детства берегу свои трепетную нервную систему и не смотрю криминальную хронику. А надо ее смотреть, Таня, надо!

Бородач заталкивает меня на заднее сидение джипа и садится рядом. Веня устраивается за рулем. В машине пахнет кожей и чем-то терпким. Я вжимаюсь в сиденье и пытаюсь не умереть от страха.

- Вас, надеюсь, не укачивает? - сердито уточняет Веня, поглядывая на меня в зеркальце заднего вида. - Я только салон помыл.

Я мотаю головой. Веня достает откуда-то большой черный пакет, протягивает мне.

- Держите.

Душа улетает в пятки.

- На голову надеть? - сглотнув, уточняю я.

- Чего? - Веня как будто удивляется. - Не, это на случай, если вас все же укачает.

– А! Ладно. – Я раскладываю пакет на коленях, нервно разглаживаю целлофан.

Меня ни капли не утешает то, что мне разрешают смотреть на дорогу. В кино это плохой знак: тот, кто много знает, бандитам не нужен.

Мы выезжаем из моего микрорайона и движемся в сторону выезда из города. Я живу на окраине, так что где-то минут через десять пути многоэтажки за окном машины сменяются маленькими домиками. Веня еще ни капли не стесняется нарушать скоростной режим, летит так, что у меня в ушах свистит.

После того, как мы пару раз чуть не врезаемся в другие машины, я зажмуриваюсь. Старательно пытаюсь вспомнить какую-нибудь молитву, но в голову лезут исключительно матерные стихи Есенина. Приходится бормотать про себя именно их, чтобы сохранить спокойствие.

Через десять минут я с удивлением понимаю, что автомобиль паркуется.

– Приехали! – радостно говорит Веня.

Открыв глаза, я обнаруживаю, что мы въехали во двор аляповатого особняка с колоннами и бронзовыми львами у крыльца.

Бородач вываливается из машины и выдергивает из нее меня, придирчиво оглядывает.

– Волосы ей поправь, – подсказывает Веня, когда тоже выбирается из авто.

Бородач приглаживает мои волосы, одергивает на мне шорты.

– Вроде нормально все, – говорит он удовлетворенно, а потом толкает меня в спину. – Шагай.

Мы поднимаемся на крыльцо. Там нас уже ждет какой-то сухонький старичок миролюбивого вида. Он распахивает для нас дверь и широким жестом предлагает войти.

– Здравствуйте! – бормочу я на автомате (родители с детства твердили мне, что со старшими нужно быть вежливой).

Старичок не отвечает, смотрит на меня удивленно. Наверное, не привык к тому, что заложницы подают голос.

– Михалыч, а где хозяин? – спрашивает у него Веня.

– В гостиной, – отвечает тот.

Я оступаюсь, неудачно подворачиваю ногу. Все из-за шлепанцев: они у меня на небольшой платформе. Идти теперь немного больно, но мне не дают прийти в себя.

Тычками в спину бородач заставляет меня пройти холл и двинуться по коридору. Мы идем мимо вереницы одинаковых дверей, доходим, кажется, до пятой, и только потом мои сопровождающие останавливаются.

– Давай ты рапортуй, – говорит Веня бородачу.

– Чего это сразу я? – огрызает тот. – Твоя очередь.

– Вообще-то, я в прошлый раз отчитывался, так что теперь ты должен.

– Ага, конечно! Я до этого, между прочим, два раза подряд докладывал – бурчит бородач. – Так что и с тебя – два раза.

Я смотрю на них открыв рот. Их будто подменили, вместо суровых амбалов передо мной два нашкодивших детсадовца, которые боятся получить втык от воспитательницы.

Бандиты замечают мой интерес и тут же меняются в лице, снова становятся деловыми и серьезными.

Веня делает глубокий вдох и, пару раз стукнув в дверь согнутым пальцем, ее распахивает.

Комната за дверью довольно уютная. Пол ее устилает пушистый белый ковер, вдоль одной из стен стоит стеллаж с книгами. Посреди комнаты расположен диван, а перед ним маленький столик. На диване, положив ноги на столик, сидит мужчина в майке и рваных джинсах. В руке он сжимает стакан с чем-то золотисто-коричневым.

Когда мы вваливаемся в комнату, на лице мужчины проступает удивление. Он довольно долго пялится на меня, а потом становится ужасно раздраженным, спрашивает:

- Кто это?

- Специалист, - блеющим тоном отвечает Веня.

Мужчина смотрит на него с укоризной.

- Ты уверен?

- А я говорил тебе, - тихо ворчит бородач, испепеляя Веню взглядом.

Веня бухает свою клешню мне на плечо. Она у него такая тяжелая, что у меня даже колени подгибаются.

- Василий Юрьевич, она это, - говорит Веня. - Я все проверил.

Мужчина в джинсах снова смотрит на меня. В глазах его откровенная неприязнь и недоверие. Я помалкиваю - раздумываю, чего бы такого ляпнуть, чтобы отпустили.

- Ты - Татьяна Кольцова? - наконец спрашивает мужчина в джинсах. По всей видимости, он и есть хозяин особняка, тот самый Василий Кузнецов, о котором мне говорили по телефону. - Ты специалист по пиару?

- Да, - отвечаю я. - А что, не похоже?

Он снова окидывает меня хмурым взглядом, а потом цедит:

– Я, конечно, не часто с пиарщиками общаюсь, но ты как-то на девочку по вызову больше похожа. Могла бы и попримечательней одеться, знаешь ли, когда едешь на встречу с серьезным человеком.

На меня накатывает возмущение.

– А вы, собственно, кто такой? – спрашиваю я, скинув руку Вени и выкатив грудь колесом. – По какому праву, вы меня похитили?

– Похитил? – Глаза Кузнецова широко распахиваются. Он переводит взгляд на моих сопровождающих, смотрит с упреком. Его люди синхронно вжимают головы в плечи.

– Никого мы не похищали, – торопливо возражает Веня. – Привезли, как было обговорено. Доставили в лучшем виде.

– В лучшем виде? Мне даже переодеться не дали! – восклицаю я и невольно топаю ногой. – Я, между прочим, в пижаме.

– В пижаме? – Кузнецов опять начинает меня разглядывать, как какой-нибудь экспонат, ему вдруг становится очень весело. – То есть ты вот в этом спишь? Прикольно. А покрутись немного, я хочу посмотреть, как там сзади.

– Что?

Он делает рукой вращательное движение, нетерпеливо так:

– Покрутись.

Я прямо обалдеваю от такой наглости, скрещиваю руки на груди.

– Может, вам еще и сплясать тут?

– А ты можешь? – На его лице появляется довольно похотливое выражение. – Ну давай.

- Не собираюсь я вам плясать! - восклицаю я. - Вы совсем, что ли?

Он морщится:

- Ой, не надо, пожалуйста, так кричать. Терпеть не могу, когда женщины кричат. Не хочешь танцевать - не надо. Я вообще позвал тебя к себе не для танцев, а чтобы прояснить некоторые детали нашего сотрудничества.

- Ваши люди меня напугали, - бурчу я. - Они у вас как из леса. Даже не объяснили ничего толком: куда везут, зачем.

Кузнецов неторопливо делает глоток из стакана, который держит в руках, а потом, вместо того, чтобы извиниться, уточняет:

- А тебе передали аванс?

- Передали, - торопится встрять Веня.

Лицо Кузнецова тут же мрачнеет.

- Веня, я не тебя спрашиваю, а нашу гостью.

Веня поворачивается ко мне и смотрит с мольбой. Прямо как Хатико.

- Передали же, правда?

- Вроде что-то передавали, - припоминаю я. - Были какие-то деньги.

- Так чего ты истеришь тогда? - с торжествующим видом спрашивает Кузнецов. - Взяла деньги - будь добра их отрабатывать.

- В четыре утра?

Он ухмыляется.

- Мне кажется, я нормально доплатил за срочность.

Ей богу, хочется стукнуть его по наглой роже. Понятия не имею, сколько он там заплатил, но на такое вот обращение я не подпишусь ни за какие деньги. Я несколько раз открываю и закрываю рот, но так и не нахожу слов, чтобы передать накатившие эмоции.

– Ладно, ребят, – говорит Кузнецов, смягчаясь. – Подождите снаружи. Может, мы с этой дамочкой и договоримся еще. Сергей Борисович очень уж ее расхваливал, а врать ему не зачем.

Глава 3

Моих сопровождающих как ветром сдувает. Кузнецов делает еще один глоток из стакана, а потом вальяжно кивает на диван рядом с собой:

– Присаживайся, Таня.

– Зачем?

– Обсудим наше сотрудничество.

Я подхожу к нему ближе, но не сажусь, испепеляю Кузнецова взглядом.

– А почему вы со мной на «ты»? Мы с вами на брудершафт не пили.

Он смотрит удивленно:

– Чего?

– Того! – буркаю я. – Я бы хотела, чтобы вы обращались ко мне на «вы».

– Ты чего такая строгая, Танчик? – ехидно спрашивает он. – Расслабься, никто тебя не обидит.

– Знаете, мне не подходит такой формат работы: ночью, в незнакомом месте, – строгим тоном говорю я. – Я предпочитаю беседовать с клиентами где-нибудь в кафе, в заранее обговоренное время.

– Фу, – кривится он. – Ненавижу кафе. Людишки эти галдящие, невкусно...

Нет, вы поглядите, какой социофоб! Я украдкой вздыхаю, поправляю бретельку майки.

– Ладно, можем и у вас дома побеседовать. Но явно не посреди ночи. Велите, пожалуйста, вашим людям отвезти меня домой, а завтра созвонимся и договоримся, когда нам обоим удобней встретиться.

– Мне сейчас удобно, – возражает он. – У меня бессонница, так что сделай над собой усилие и приступай к рабочим обязанностям.

Да уж, этот тип совершенно непробиваемый.

Я внимательно его разглядываю. Кузнецов – довольно мускулистый мужчина, широкий в плечах. У него серо-голубые глаза и темные волосы. Пострижены они довольно коротко, а вот бритьем Кузнецов явно пренебрегает – его щетине дня три. Тем не менее этого товарища можно было бы назвать красивым, если бы не наглый взгляд и высокомерная ухмылка, которые портят все впечатление.

– Знаете, я, пожалуй, откажусь от сотрудничества с вами, – вкрадчиво говорю я. – Я не готова вот так, по щелчку, срывать в ночь и терпеть фамиллярности.

– Что, даже за работу в «Формуле» не готова? – с издевкой уточняет он. – Сергей Борисович, по-моему, ясно выразился: он возьмет тебя к себе, только если ты угодишь мне.

Я чувствую раздражение. Работа в «Формуле» была бы так кстати! Но я ведь себя не на помойке нашла и пресмыкаться не собираюсь.

– Я, пожалуй, наберу Сергею Борисовичу утром и попрошу другое тестовое задание, – говорю я, вздернув нос.

– А зачем ждать утра? Прямо сейчас и спроси. Уверен, он тебе откажет.

Кузнецов отставляет стакан и смотрит на меня с каким-то мстительным удовольствием.

Я развожу руками.

– К сожалению, когда ваши люди ворвались ко мне в квартиру, они не дали мне нормально собраться. У меня с собой только ключи, а телефона нет.

Кузнецов встает и подходит ко мне.

– А телефон тебе и не нужен. Можешь переговорить с ним с глазу на глаз.

– В смысле?

Он приобнимает меня за плечи и подталкивает в сторону двери.

– Сергей Борисович сейчас у меня в гостях.

– Прекрасно! – восклицаю я, хотя на душе начинают скрести кошки.

Сто процентов, Борисович этот мне откажет. Я сейчас еще в таком виде – хоть стой, хоть падай.

Мы проходим с Кузнецовым через коридор и останавливаемся у лестницы, ведущей куда-то вниз. Господи, что у него там? Пыточная?

– Спускайся! – велит Кузнецов тоном, не терпящим возражений.

– Не хочу! – Я хватаюсь за перила, решая сражаться за жизнь. Я еще слишком молода для того, чтобы быть замученной в каком-нибудь подвале.

Кузнецов наклоняет голову на бок:

– Иди вниз, Танчик. Чего встала?

- Не пойду.

- Почему?

- Не надо, пожалуйста, - жалостливым голосом бормочу я. - Я сделаю все, что захотите.

- Так я же сказал: хочу, чтобы ты шла вниз.

Он пытается отцепить мои пальцы от перил, но я брыкаюсь, отпихиваю его ногами. Я могу быть сильной и упрямой, когда по-настоящему испугаюсь.

Получив коленом в довольно чувствительное место, Кузнецов отшатывается, смотрит с подозрением.

- Что-то я не понял, Таня: ты пьяная, что ли?

- Я вообще спиртное не употребляю.

- Понятно.

Он подозрительно ухмыляется, а потом резко дергает вниз мои шортики, стягивает их почти до колен.

Меня как электричеством ударяет.

- Да как вы смеете? - визжу я. И само собой, отцепляюсь от перил, чтобы вернуть шорты на попу.

Кузнецов пользуется моментом, сгребает меня в охапку и взваливает на плечо.

- Поставьте меня на место! - воплю я и несколько раз бью его по спине.

Ему мои хлопки как слону дробина. Он разворачивается и неторопливо спускается по лестнице.

- Не надо! Нет! - Я дрыгаю ногами и пытаюсь за что-нибудь ухватиться.

- Да успокойся ты! - беззлобно бурчит Кузнецов, перехватывая меня покрепче. -
Иначе мы сейчас вдвоем шеи переломаем.

Он такой невозмутимый, будто ему вполне привычно затаскивать женщин в подвалы. Я набираю полную грудь воздуха и кричу изо всех сил:

- Спасите! Эй, кто-нибудь, пожалуйста!

На мои крики никто не отзывается. Кузнецов минует ступени, проходит через узкий коридор и несколько дверей и только потом ставит меня на ноги. Я озираюсь. Мы в маленькой комнатке, обшитой деревом. Кажется, это сауна. Здесь не жарко, но заметно теплей, чем было в гостиной.

Передо мной на деревянной полке похрапывает, уложив под голову березовый веник, мужик в желтых труселях. Он на редкость мохнатый товарищ, настоящий мишка. У него даже спина покрыта густыми черными волосами.

- Ну прямо засмотрелась, - ревниво тянет Кузнецов. - Общайся давай и пойдем.

- Это Сергей Борисович? - уточняю я.

- Он самый.

Из мужика в желтых труселях вырывается громовое: «Хррр!», и я вздрагиваю. Интересно, возможно ли его вообще разбудить? Помню, я как-то в поезде с похожим товарищем ехала - он не просыпался, даже когда падал с верхней полки.

- Доброе утро! - нерешительно говорю я, трогаю мужика в желтых труселях за руку. - Сергей Борисович? Ау?

- Да смелей ты! - подсказывает Кузнецов. Судя по его виду, он упивается всем происходящим.

Я набираюсь смелости и трясую мужика за плечо:

– Сергей Борисович!

Мужик в ответ только губами шлепает и храпит себе дальше.

Кузнецов оттесняет меня в сторону и хлопает Борисыча по щекам.

– Серег, проснись! Серегга!

Спустя какое-то время тот перестает всхрапывать и приоткрывает один глаз.

– А?

– С тобой тут девушка хочет поговорить, – объясняет Кузнецов. – Прямо из штанов выпрыгивает.

Голос у него веселый и беспечный. Кузнецов явно верит, что мне не светит других тестовых заданий, кроме него самого.

Сергей Борисович скользит по мне осоловелым взглядом, а потом вяло машет клешней.

– Скажи ей, что я женат. Мне эти беспорядочные связи не нужны: меня Катька прибьет. Она у меня, сам знаешь, какая.

Он поправляет веник под головой и отворачивается к стене. Кузнецов смотрит на меня торжествующе.

Нет, ну до чего у него самодовольная физиономия! Интересно, он с такой родился? Мне невольно представляется младенец в коляске с небритым напыщенным лицом Кузнецова. Я давлюсь смехом.

Кузнецов смотрит на меня с подозрением.

– И что тебя так рассмешило?

– Ничего.

Он, кажется, не верит, но тему не развивает, спрашивает:

– И какие у тебя теперь планы, Танчик? Будешь ждать, пока Серега тебе еще что-то скажет, или вернемся к переговорам?

Я с сожалением кошусь на мохнатую спину Борисовича.

– Я думаю, надо подождать, пока он протрезвеет.

Кузнецов набычивается.

– Это ты на что сейчас намекаешь? Кому тут надо протрезветь? Сереге? Да он вообще не пьет, если только стопку пропустит по праздникам – и все. Он просто устал, пахал без выходных две недели подряд.

Я демонстративно потягиваю носом:

– Ага, воздух тут пропах усталостью.

Кузнецов тоже принюхивается, а потом расплывается в улыбке:

– Да это мы просто бутылку настойки от ревматизма случайно грохнули. Стекла я собрал и выкинул, а запах пока не выветрился.

Наконец-то передо мной вырисовывается картина происходящего. Два мужика перепили и почему-то вместо того, чтобы вызвать девочек, вызвали меня. Наверное, плотские радости им уже наскучили, хочется чего-то позабористей. А я что? Я ничего. Я могу и подыграть немного. В конце концов, даже интересно, что там в мозгу этих ушибленных богачей родилось.

– Ладно, – говорю я Кузнецову, – пойдете обсуждать условия сотрудничества. Уговорили.

Он потирает руки.

- Ну наконец-то! А я уж думал для налаживания взаимопонимания тебе массаж предложить. Я хорошо массаж делаю. Особенно баночный.

- Пойдемте, господин Кузнецов.

- Для тебя просто Вася, - говорит он с щедрым видом.

Мы выбираемся из подвала. Я двигаю в сторону гостиной, но Кузнецов хватает меня под локоть.

- Не туда.

- Разве?

- На кухню пошли. Лучше всего обсуждать дела за чашкой чая.

При слове «кухня» мой живот издает протяжное урчание - предатель!

Кухня в усадьбе Кузнецова размером с мою однушку. Тут есть куча разной техники, сотня шкафчиков и длинный стол. Кузнецов усаживает меня за него, а потом шагает к двустворчатому холодильнику.

- Ты с чем чай предпочитаешь пить?

- С лимоном, - говорю я.

- Хорошо. У меня как раз есть лимон.

Он ставит передо мной огромное блюдо с мясной нарезкой. Среди кусочков разных колбас и карбонада виднеется несколько лимонных долек. До того, как я успеваю придумать остроу насчет этой тарелки, рядом с ней появляется чашка с булочками и несколько мисок с салатами. А следом Кузнецов притаскивает блюда с фруктами и овощами.

- А чай? - напоминаю я.

– Да ну его! У меня есть кое-что получше, – Кузнецов ставит передо мной графин с чем-то коричневым.

– Что это?

– Компот. Из сухофруктов, – Кузнецов подозрительно скалится. Он разливает коричневую жидкость по двум бокалам и один из них придвигает мне. – Попробуй, тебе понравится.

Я киваю, но решаю этот его компот не пить. Еще не хватало обнаружить себя через пару часов в обнимку с веником рядом с Борисовичем. Его воинственная Катька пугает меня до чертиков, да и за деловую репутацию тревожно.

– Выкладывайте, – говорю я Кузнецову, придвигая к себе блюдо с мясной нарезкой. – Что вы хотите от меня?

– Хочу, чтобы ты нашла мне жену. Хорошую.

– А подробнее?

Он разваливается на стуле и мечтательно возводит глаза к потолку.

– О, я совсем не привередлив. Мне нужна здоровая, красивая девушка с кротким нравом. Главное, чтобы она любила детей. И была не старше двадцати одного года.

Я закашливаюсь, на глаза наворачиваются слезы. Кузнецов не остается в стороне – ответственно лупит меня по спине с обеспокоенным лицом. Рука у него тяжелая, так что я быстро прихожу в чувства.

Кузнецов подносит мне бокал со своим варевом. Потеряв бдительность, я делаю пару глотков. На вкус жидкость и правда обыкновенный компот из кураги – зря я надумала всякого. Хотя моя нервозность вполне объяснима: такой сумасшедшей ночи у меня отродясь не случалось.

Глава 4

Когда я вытираю губы салфеткой, Кузнецов продолжает свою речь:

– Я хочу, чтобы моя будущая жена никогда со мной не спорила, во всем меня слушалась и не устраивала сцен, когда я собираюсь...

– Подождите, – перебиваю я, – вы только что сказали, что хотите себе девушку младше двадцати одного года? Вы это серьезно?

– Да, а что?

– А вам самому-то сколько?

– Тридцать четыре, – говорит он, расправляя плечи и всем своим видом показывая, какой он орел.

Я чувствую раздражение. И нет, это не потому, что я одинока в свои двадцать девять. Это потому что... Потому что я ненавижу эйджизм, да.

– И зачем вам молоденькая? – спрашиваю я, придвигая к себе одну из мисок – с салатом, похожим на оливье.

Кузнецов фыркает:

– Танчик, ну ты же вроде взрослая женщина – почему задаешь глупые вопросы? Я хочу воспитать женушку под себя. И мне не нужна замордованная жизнью тетка, у которой из-за неудач в личной жизни испортился характер. Мне нужна свежая, нулевая, так сказать, модель. От девятнадцати до двадцати одного. Совсем соплячку мне не надо, нет.

– Наверное, вы хотите, чтобы она еще и девственницей была? – ехидно уточняю я. – Нецелованной?

Он задумывается, потом кивает с серьезным видом:

– Ну, было бы неплохо, конечно. Все-таки она станет матерью моих детей. Я говорил уже, что хочу четверых?

Я мотаю головой. А он еще больше расходится:

– Да, хочу четверых. И надо, чтобы девушка была готова беременеть сразу после свадьбы. Тянуть мне некогда. Я не готов на выпускной детей тащиться старикашкой с клюкой.

– Сомневаюсь, что двадцатилетняя девочка захочет беременеть сразу после свадьбы, – ядовито бурчу я с набитым ртом. – Ей вообще-то еще надо университет закончить, мир посмотреть.

– Какой еще университет? – В глазах Кузнецова проступает раздражение. – Не надо нам университета. Девушка с высшим образованием мне дома на фиг не нужна: от таких одни проблемы и вынос мозга.

– Вы серьезно?

– Конечно! Сужу по своему горькому опыту. Имел, знаешь ли, возможность удостовериться.

Я поспешно засовываю в рот еще одну ложку оливье – ну, чтобы не ляпнуть чего-нибудь грубого.

Кузнецов придвигает ко мне блюдо с булками и завершает мысль:

– Мне нужна мягкая, домашняя девушка, без амбиций. Повар там или учительница начальных классов. Можно и вообще без образования. Зачем оно ей, если я хочу, чтобы она посвятила себя домашнему очагу?

Какой же он мерзкий! – мысленно констатирую я. – Махровый сексист какой-то. Даже мой бывший муж поблек на его фоне, а я-то думала, что уж его-то никому не затмить.

– Ну ты чего молчишь-то? – толкает меня плечом Кузнецов. – Спрашивай еще что-нибудь. О своей будущей жене я могу говорить часами.

Оно и видно, ага. Глаза его горят каким-то лихорадочным светом, а на губах опять придурковатая улыбка. Но лучше и правда что-нибудь спросить, не сидеть в тишине.

- А по внешности будут пожелания? - Я надкусываю первую попавшуюся булку и замираю: вкуснотища.

- Так-так, - Кузнецов ненадолго задумывается, потом с интересом смотрит на меня. - А ты можешь встать ненадолго?

- Могу, - я выбираюсь из-за стола с булкой в руке.

- Ну вот смотри, - тянет Кузнецов, оглядывая меня. - Мне нужна женщина совсем другой комплекции. Ты слишком худая и костлявая. На диетах, поди, сидишь?

- Василий, - хмурюсь я. - Ближе к делу.

Он обрисовывает руками мои бедра.

- Мне вот надо, чтобы здесь пошире. И здесь! - Его руки смещаются в сторону моей груди. Я их на всякий случай отпихиваю.

- Понятно, - говорю я и снова плюхаюсь за стол.

Кузнецов делает круг по кухне, возбужденно размахивая руками:

- Мне нужна крепкая, молодая девка. Такая, чтобы во время беременности на рыбалку со мной ездила, а не стонала в углу в обнимку с тазиком.

- Ага, запомню, - киваю я. Мне еще бабушка в детстве говорила: с сумасшедшими не спорят.

- И еще у меня одно пожелание есть, - Кузнецов подходит ближе и зачем-то ерошит мои волосы. - Хочу, чтобы у нее коса была. До пояса.

Я незаметно отодвигаюсь: не люблю, когда вот так беспардонно лапают.

– Вот зачем вы, женщины, стрижетесь так коротко? – говорит Кузнецов с осуждением косясь на мою прическу. – И краситесь еще в этот ужасный пошлый цвет?

– Ничего он не ужасный, – возражаю я, откладывая булку. – У меня от природы похожий. Я всего на пару тонов осветлилась.

– Вот моя краситься не должна, запомнила? – Кузнецов придвигается, нависает надо мной. – Я люблю, когда у женщины все натуральное. – Он опускает глаза вниз и получается, что заглядывает прямо в вырез моей майки.

Я от такой наглости впадаю в легкое оцепенение, но уже через пару секунд беру себя в руки и прикрываю вырез ладонью.

– М-да, грудь мне точно побольше надо, – хмуро констатирует Кузнецов. – На пару размеров. У тебя единичка?

Кажется, я краснею. Вот уж на редкость хамское создание мне досталось от Борисовича. Как такого женить вообще? Не удивительно, что он ко мне обратился: нормальные женщины явно разбегаются от него с визгом.

Но может, он не совсем неадекват, просто пьяный? Может, к вечеру он придет в сознание и умерит аппетиты?

Я снова поднимаюсь из-за стола:

– Хорошо, Василий, я все поняла. Дальнейшие детали обсудим завтра-послезавтра, сначала мне надо обдумать всю полученную информацию.

Он присаживается на стол, прямо между тарелками, и недовольно морщится.

– Нет, ты ничего не поняла, Таня. Я хочу, чтобы ты посвятила работе со мной все свое время. Я хочу, чтобы ты переехала ко мне и сопровождала меня на работе. Мне надо закрыть вопрос с женой в ближайший месяц, но я человек занятой. Мы будем обсуждать мою личную жизнь каждый раз, когда у меня будут появляться

свободные минутки.

Я чувствую, как во мне все закипает. Да что этот гусь о себе возомнил? Он правда верит, что я буду бродить за ним тенью с блокнотиком и с подобострастием внимать каждой его новой придури? Да ни за что!

– О переезде к вам не может быть и речи! – гневно заявляю я ухмыляющемуся Кузнецову. – И у меня есть другие проекты, которыми нужно заниматься параллельно с вашей женитьбой.

– Откажись от других проектов. Я хорошо заплачу.

– Нет. Я не могу их бросить без ущерба для репутации

Кузнецов подцепляет с блюда кусок сала и, отправив его в рот, задумчиво разжевывает.

– Кажется, у Сереги в фирме тебе ничего не светит, – припечатывает он чуть погодя. – Душная ты, Танчик. И нерасторопная.

Мне хочется надеть ему на голову миску с недоеденным оливье, но я сдерживаю себя.

– Значит, поищите себе другого специалиста, – с гордым видом говорю я. – И велите своим людям отвезти меня домой.

– С какого перепуга? – ухмыляется он. – Они не таксисты вообще-то. Не хочешь на меня работать – сама до дома добирайся.

У меня сдают нервы. Я беру со стола стакан с компотом и выплескиваю его в лицо Кузнецову. Он смотрит удивленно, темные капли красиво сбегают по его небритому лицу.

– Ты больная?

Я немножко жалею о содеянном.

– Извините, – бормочу я. – Я не специально. Я с детства неуклюжая.

Он находит салфетку, вытирает лицо, а я пулей выбегаю из кухни в холл.

И что мне теперь делать? Я не могу добираться домой в пижаме: на трассе меня примут за какую-нибудь ночную бабочку, и тогда проблем не избежать. А силы у меня на исходе – еще одного приключения моя нервная система просто не переживет.

Седьмое чувство, впрочем, подсказывает не раздумывать, а быстрее покинуть дом. Я его слушаюсь.

Выйдя на крыльцо, обнаруживаю там давешнего старичка. Выглядит он довольно дружелюбно, располагает к себе. Ой, а может, удастся его разжалобить?

– Дяденька, миленький, – блею я, сложив руки в молитвенном жесте, – вызовите мне такси. Пожалуйста!

Он смотрит на меня задумчиво, чешет в затылке.

– Мне надо в город, – объясняю я. – Домой.

Старичок разводит руками:

– У меня нет телефона. И вообще мне не велено с тобой разговаривать.

Мне хочется, как в детстве, затопать ногами. Вот же противный старый хрыч! Вообще, все они тут противные подобрались.

– А может, вы дадите мне какую-нибудь кофту? – Я снова заглядываю в глаза старичку с жалобным видом. – Я потом пришлю ее обратно с курьером. И брюки бы мне не помешали.

Его лицо чуть смягчается, взгляд светлеет.

– Ладно, подожди тут, – говорит он и уходит куда-то за дом.

Я приободряюсь. На улице, к счастью, уже рассвело, солнце вовсю пригревает. День явно будет погожий, и, возможно, я доберусь до дома без приключений. Мне бы только одеться.

Старичок возвращается обратно с оранжевой жилеткой в руках.

– Держи! От рабочих осталось.

Я сглатываю. Надеюсь, он не имеет в виду, что рабочих тут где-то и прикопали? Впрочем, лучше не уточнять. Мне и без того страшно.

– А больше ничего нет? – спрашиваю я с надеждой. Жилетка яркая, а мне совсем не хочется привлекать к себе внимание на трассе. – Может, и штаны какие-нибудь найдете?

Старик мрачнеет, почти рычит:

– Нет штанов. Иди уже, пока Рыжий тебя не увидел.

Господи, кто такой Рыжий? Собака, что ли, бойцовской породы? Если да, то мне и правда лучше сматываться, пока не поздно.

– Вам жилет возвращать потом? – спрашиваю я упавшим голосом.

– Не надо, – отвечает он и нервно озирается.

Выбирать не приходится. Я накидываю жилетку и буквально тону в ней. Надеюсь, вид у меня теперь менее развратный, но ручаться за это не могу.

– А город где? – спрашиваю я у старичка, запахнув жилет.

Он машет в сторону калитки:

– Там.

Калитка не заперта, так что уже через пару секунд я оказываюсь на улице. Свобода!

Мне даже не верится, что удалось вот так просто уйти. Я делаю глубокий вдох, а потом оглядываюсь. Улица совершенно безлюдна, но дома за узорчатыми заборами довольно респектабельные. Я быстро отбегаю от коттеджа Кузнецова метров на сто, а потом прислушиваюсь. Весело щебечут птицы, ветер шелестит листвой, но вокруг по-прежнему не души. Не у кого дорогу в город спросить.

Немного подумав, я выбираю направление самостоятельно и топаю по улочке. Моя цель – выйти к трассе, а уж там я разберусь, в какой стороне Краснодар.

Хорошо, что меня летом вот так похитили. Зимой вернуться домой было бы сложнее.

Я иду, наверное, минут десять, как вдруг ровный асфальт сменяется старым и убитым, в ямах. А еще мне кажется, что впереди маячит лес – густой и мрачный. М-да, просчиталась с направлением, поддалась панике.

Вздыхнув, я сворачиваю в какой-то проулок. Тут мне везет больше, я довольно быстро выхожу на широкую ровную дорогу, которая просто обязана привести меня к трассе.

Мимо меня пару раз проносятся машины, но тормозить попутку я не решаюсь. Лучше найду какую-нибудь остановку и попытаю счастье с рейсовым автобусом (авось и сжалится кто-нибудь из водителей да подвезет бесплатно).

Я прохожу несколько огромных особняков, какой-то сад, а потом замечаю вдалеке железную будку, похожую на старый остановочный комплекс. На душе у меня сразу светлеет. Я прибавляю шаг, мчу к остановке на всех парусах. Я уже вижу себя дома, в теплой ванне с бокалом валерьянки в руке – такой счастливой, расслабленной, позабывшей ужасы ночи.

И тут меня настигает знакомый черный джип, черт бы его побрал!

Джип проезжает чуть вперед. Тонированное стекло напротив пассажирского сиденья опускается, и в окне появляется счастливое лицо Кузнецова.

– Танчик, твоя предприимчивость впечатляет! – весело кричит он. – Теперь я точно уверен, что моей личной жизнью должна заняться именно ты.

– Оставьте меня в покое, – бурчу я и упрямо шагаю к остановке.

Джип снова трогается, неторопливо ползет рядом со мной. Свернуть, к сожалению, некуда, кругом одни заборы. Я пытаюсь просто делать вид, что никакого джипа поблизости нет.

– Ладно, твоя взяла! – чуть погодя орет Кузнецов. – Можешь, не переезжать ко мне, ничего страшного. И под твой график я тоже готов подстроиться, слышишь?

В шлепанец попадает какой-то камешек, мне приходится остановиться, чтобы его вытряхнуть.

– Ну, давай, Танчик, прыгай в машину, – вкрадчиво просит Кузнецов. – Я подкину тебя до дома, а по пути мы определимся с местом и временем нашей следующей встречи.

Интересно, он вообще понимает слово «нет»? Я демонстративно отворачиваюсь от машины, делаю вид, что разглядываю дома, торчащие из-за заборов.

– Танчик, ты хочешь, чтобы я на колени перед тобой встал, что ли? – начинает закипать он. – Садись в машину, не зли меня.

Я мысленно сбрасываю Кузнецова со скалы. Кем он себя возомнил – повелителем мира? Да я скорей умру, чем буду с ним работать. И дело даже не в том, как он ведет себя со мной. Он ведь и с невестами будет так же, он и их зашугает по полной программе. Разве я могу такое допустить? Нет! У меня, в конце концов, совесть есть, и она никогда не позволит мне подыскивать молоденьких дурочек зарвавшемуся тирану.

Но, елки-зеленые, как мне самой-то от него отделаться?

Глава 5

– Танчик, ну хватит дуться! – обиженно кричит Кузнецов. – К тому же ты уже взяла аванс. Не хорошо ведь получается, не по-людски.

– Я верну, – огрызаюсь я. – Но только часть. Половину оставлю себе в качестве компенсации за моральный ущерб от общения с вами.

– Так сейчас и поедем за авансом! – смеется он. – Садись в машину.

– Я потом курьером пришлю, – бурчу я и в этот момент как-то оступаюсь, взмахиваю руками.

Шмяк! Я растягиваюсь посреди улицы самым ужасным образом. На глаза набегают слезы: не то от боли, не то от досады на собственную неуклюжесть.

Несколько секунд я не шевелюсь, прислушиваюсь к себе. Кости вроде целы, но колени противно саднит. А еще и плечо, кажется, пострадало. Вот мне только покалечиться ко всему прочему не хватало, ага. Я сажусь, осматриваю себя: колени хорошо ободрала, прямо как в детстве, на руке наливается огромный синяк.

Дверца джипа громко хлопает, отвлекая от грустных мыслей.

– Ну ты прямо на ровном месте, – раздается надо мной ворчанье Кузнецова, а потом он ставит меня на ноги. – Совсем, что ли, под ноги не смотришь?

Я испепеляю его взглядом:

– Вообще-то это вы виноваты! Вы! Прицепились тут, нервы все вымотали. Сказала же: не хочу с вами работать, найдите себе уже другого пиарщика, их ведь полно.

Кузнецов заглядывает мне в лицо и как-то разом серьезнеет, поворачивается к машине:

– Веня, аптечку!

Я быстро вытираю слезы тыльной стороной запястья. Потом отряхиваю жилет и пижаму.

– Тань, ну куда ты собралась-то в таком виде? – укоризненно бурчит Кузнецов. – Я, между прочим, всех своих людей сейчас поднял, чтобы тебя найти. Переживал, что с тобой случится что-нибудь нехорошее. Неужели ты и правда поверила, что тебя не отвезут домой? Я же просто пошутил.

Я поднимаю на него глаза. Лицо у него не слишком раскаивающееся, но мне почему-то хочется верить его словам. И тут он добавляет:

– Нет, ну скажи, чего ты так психанула? ПМС, что ли?

На меня снова накатывает негодование, даже в ушах шумит.

– Да пошли вы со своими шуточками! – цежу я.

– Куда?

Я не успеваю придумать – к нам подваливает Веня с аптечкой. Кузнецов достает перекись и вату и, присев на корточки, протирает мое колено.

– Ай! – недовольно взвизгиваю я. – Осторожней!

Он смотрит на меня снизу вверх, совсем не нагло, участливо.

– Потерпи, еще чуть-чуть осталось.

Второе колено он обрабатывает нежней, едва касаясь кожи, а потом вдруг пробегает пальцами от колена до самого края шортиков.

– Красивые ножки, Танчик! Такие следует беречь.

Я собираюсь возмутиться, но не успеваю. Кузнецов уже убирает руку и встает, смотрит строго.

- Еще есть царапины?

- Нет. - Я вдруг ловлю себя на мысли, что у Кузнецова приятный парфюм. Сам Кузнецов, кстати, переоделся - сменил майку на рубашку и теперь выглядит презентабельней.

- Давай садины еще пластырем заклеим, - предлагает Кузнецов.

Я не отвечаю, но ему это не нужно. Веня подает Кузнецову несколько кусков пластыря, и тот довольно ловко залепляет мои несчастные колени.

Когда Веня уносит аптечку обратно в машину, я кое-как выдавливаю из себя слова благодарности. Кузнецов долго-долго смотрит мне в глаза, а потом говорит:

- Поехали к тебе. - Получается у него так интимно, будто он мне тут на всякие неприличности намекает.

Я цепенею.

- Обсудим твои условия, - поясняет Кузнецов. - Уверен, мы договоримся.

- Нет, не договоримся, - возражаю я. - Правда. Найдите себе другого специалиста.

Я разворачиваюсь и бегу прочь со скоростью бешеного зайца из мультика.

- Стоять! - кричит Кузнецов. - Таня, подожди!

Я не решаюсь остаться на остановке и мчу дальше. Кузнецов догоняет, хватаят меня за локоть.

- Не надо меня трогать! - кричу я и пытаюсь вывернуться.

Рядом с нами тормозит красная легковушка, из нее высовывается мрачный дядька лет сорока.

- Эй, мужик, ты чё к женщине пристал?

Я подпрыгиваю от радости и спешу поддакнуть:

- Ага, совести у него нет. Привязался тут! Вы меня случайно до города не подкинете?

- Подкину, конечно, - кивает дядька, злобно зыря по сторонам, - залезай.

Я кидаюсь к легковушке, но Кузнецов меня перехватывает, прижимает к себе.

- Брат, это жена моя вообще-то, - говорит он водителю легковушки. - Она просто беременная и чудит. Гормоны, понимаешь?

Мужик оглядывает меня, но из-за просторного жилета ему ничего непонятно про мой живот.

- Срок еще маленький, - торопится пояснить Кузнецов. - А тараканы уже большие. Вот вырядилась и к маме в Армавир намылилась. За мелом. Мел трескает, как не в себя.

- Понимаю, - кивает водитель легковушки. - Моя тоже чудила страшно, когда сына ждала. А вы кого ждете?

- Пока не знаем, - радостно делится Кузнецов. - Но мне как-то все равно, главное, чтобы малыш здоровеньким родился.

- Согласен! Ну бывайте тогда. - Водитель легковушки ударяет по газам и через несколько секунд скрывается за углом.

Орудя локтями, я вывертываюсь из объятий Кузнецова:

- Вы... вы меня достали уже!

Он ухмыляется:

- Ты тоже не подарок, знаешь ли. Я тебе хорошие деньги заплатил, а ты выделываешься.

- Я верну! Все верну! – обещаю я. – Только отстаньте, пожалуйста.

Тихо шурша шинами, к нам подъезжает черный джип.

- Садись в машину, Таня, – жестко говорит Кузнецов. – Хватит пугать своим видом общественность.

- Спасибо, я лучше на автобусе.

- Но ты же все равно домой не попадешь.

- Это еще почему?

Он расплывается в улыбке:

- Потому что ключи от твоей квартиры – у меня.

Мне становится дурно, перед глазами все плывет. Потому что он прав: я забыла у него ключи. Кажется, на столе оставила. Я их туда положила, когда он мне мясную тарелку притащил.

- Кончай дурить, Танчик! – Кузнецов открывает для меня дверцу машины. – Садись и поехали уже.

- Ладно, – сдаюсь я. – Ваша взяла.

Когда я устраиваюсь на заднем сидении черного джипа, Кузнецов усаживается рядом со мной.

- Куда? – спрашивает Веня.

– К Танчику, – отвечает Кузнецов и улыбается.

Машина трогается с места, а меня вдруг охватывает любопытство.

– Какой помощи вы ждете от меня? – спрашиваю я у Кузнецова.

– Ну как... – Он откидывается на спинку сиденья и разглядывает мои ноги. – Серега сказал, ты – специалист по социальным сетям. А я как раз через них хочу искать себе невесту. Ты заведешь мне страничку в каком-нибудь «Контактке» и будешь от моего имени знакомиться с разными девушками, переписываться с ними.

– А почему вы не хотите знакомиться в кафе или в клубах?

– Понимаешь, какое дело, – Кузнецов становится немного грустным, – я хочу, чтобы моя избранница не догадывалась о моем состоянии и полюбила меня за человеческие качества. В Краснодаре меня все знают, тут мне трудно сохранить инкогнито, поэтому я хочу искать жену по станицам.

– Ну так и езжайте в эти станицы, – говорю я. – Там тоже кафешки есть. И дискотеки.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую:

– Танчик, ты головой не ударилась сейчас, когда падала?

– Нет.

– А почему тогда такие глупые вопросы задаешь? Я человек занятой. Мне некогда за девками бегать, поэтому я тебя и нанял. Ты pomoжешь мне найти нормальную невесту, охмуришь ее, уломаешь на свиданку, а потому уже я подключусь – с ухаживаниями.

– Ясно.

Мы некоторое время едем в полной тишине, а потом Кузнецов толкает меня плечом:

- Может, все-таки переедешь пока ко мне, а? Деньгами не обижу.

- В наше время можно быть на связи без всяких переездов, - возражаю я, для важности помахивая ладонью. - Двадцать первый век на дворе. Есть телефон, социальные сети, мессенджеры...

- Да мне как-то с глазу на глаз удобней общаться, - возражает он.

- Ничего. Привыкнете и к мессенджерам.

- Но время от времени будем вживую встречаться, хорошо? - Кузнецов вдруг смотрит заискивающе.

- Ладно, - великодушно соглашаюсь я. - Пару раз в неделю.

Лицо его недовольно морщится, но возражать Кузнецов не пытается.

- Давайте так, - говорю я. - Я пока проанализирую все, что вы мне рассказали, а потом свяжусь с вами, и мы выработаем стратегию совместной работы.

- Сегодня, - твердо говорит Кузнецов.

- Что сегодня?

- Сегодня выработаем стратегию. В два я к тебе заеду и побеседуем.

- Я не могу сегодня в два, - возражаю я. - Я пойду в это время покупать продукты.

Он смотрит на меня снисходительно.

- Насколько я знаю, продуктовые работают допоздна, - успеешь еды купить. Я вроде ясно дал понять, Танчик: мне жена нужна срочно. Так что придется тебе шевелить булками, отодвинув другие дела.

Я снова закипаю. Похоже, согласие с моими условиями у этого товарища только на словах. Даже не представляю, как с ним работать.

- Приехали, - говорит Веня и смотрит на нас в зеркальце заднего вида.

Я протягиваю ладонь Кузнецову:

- Верните ключи, пожалуйста.

- Я с тобой поднимусь, - говорит он и вылезает из авто.

Я тоже выскакиваю на улицу, обегаю машину и пытаюсь загородить Кузнецову дорогу:

- Не надо со мной подниматься. Мы же договорились на два часа.

- Пошли! - Он обхватывает меня за плечи и тащит в сторону подъезда. - И лучше не ори: соседей напугаешь.

Во дворе и правда полно бабулек с внуками, и мне приходится подчиниться. Мы с Кузнецовым поднимаемся на третий этаж. Кузнецов так и не возвращает мне ключи. Он сам отпирает замок после того, как я указываю ему нужную дверь.

Ввалившись в квартиру, Кузнецов, не разуваясь, проходит на кухню.

- Эй, вы что делаете? - возмущаюсь я. - Вы мне тут все затопчете, а я полы только позавчера протирала.

Кузнецов пропускает мои окрики мимо ушей. Он делает круг по кухне и, отодвинув меня в сторону, идет в комнату. Ну капец! Я надеюсь, он не решит сам у меня поселиться?

- Вроде все нормально! - радостно восклицает Кузнецов, возвращаясь в прихожую.

- В смысле?

– Да я боялся, что мои молодцы тебе что-нибудь сломали или бардак устроили.

– А могли?

Он задумывается:

– Теоретически да. Они еще не обтесались у меня. Иногда перегибают палку.

– Я заметила.

– Ты это... – Кузнецов хлопает меня по плечу. – Не обижайся на них сильно, если они с тобой как-то не так обошлись. Они просто только недавно из тюрьмы, не привыкли еще к гражданской жизни.

– Вы серьезно? – Я прислоняюсь к стене, чтобы не упасть. – Ваши люди недавно вышли из тюрьмы? А за что они там сидели?

– Веня за кражу, а Гена за... – Кузнецов смотрит на меня внимательно и захлопывает рот на полуслове. Немного подумав, добавляет: – За другое, короче.

Я делаю над собой усилие, чтобы не сползти по стеночке вниз.

– А кого-то нормального – без судимости – вы себе нанять не могли?

– Не, они нормальные мужики, чего ты? – Кузнецов обиженно хмурится. – И кто их еще возьмет, если не я?

– А старичок, – вдруг вспоминаю я, – тот, что на крылечке дежурит, он тоже – с судимостью?

– Михалыч? – с улыбкой переспрашивает Кузнецов. – Не, Михалыч у нас чист перед законом.

Я выдыхаю с облегчением.

– Но у него небольшие проблемы с головой, – тут же добавляет Кузнецов. – Он у нас изредка чертей гоняет. Когда лекарства забывает принять. Вообще, он не дежурит на крыльце, он – мой домоправитель.

– А у вас с головой все нормально? – на всякий случай уточняю я.

Он ухмыляется:

– Да вроде не жалуясь.

Мы некоторое время сверлим друг друга взглядами, потом я не выдерживаю, отвожу глаза.

– Ладно, Танчик, я побежал, – говорит Кузнецов. – В два подъеду.

Он вываливается из квартиры и захлопывает за собой дверь.

– А ключи? – восклицаю я, но, само собой, никто не отзывается.

Я со стоном скидываю оранжевую жилетку и испачканные шлепанцы. Ну и вляпалась же я! Больше никогда в жизни не буду отвечать на ночные звонки.

Взгляд цепляется за стопку денег, лежащую на столике в прихожей. Ту самую, которую оставил Веня. Я сгребаю ее и внимательно пересчитываю. Сердце моментально разгоняется. Не поверив себе, я пересчитываю стопку еще раз. Боже, здесь же целое состояние! А ведь мне сказали, что это только аванс.

Я прижимаю деньги к груди и тихо повизгиваю. На душе становится хорошо-хорошо, оптимизм заполняет меня по самую крышечку. И есть с чего – ближайшие месяца три я смогу не париться о гонорарах! Это прямо волшебство какое-то.

Я прячу деньги в шкаф и спешу в душ. Сейчас вымоюсь, а потом буду гуглить, каких девушек привлекают сексисты. Кого-нибудь да найдем этому мерзкому Кузнецову. За те деньжищи, которые он платит, я готова сворачивать горы.

Глава 6

После душа на меня накатывает сонливость. Я пытаюсь взбодрить себя кофе, но дело не идет. Глаза слипаются, все валится из рук. Устав бороться с собой, я решаю немного поспать, а уж потом браться за поиски невесты для Кузнецова.

Перед тем как прилечь, звоню Соне.

- Алло? - Голос подруги звучит замучено.

- Привет! Надеюсь, не отвлекаю? - Я взбиваю подушку свободной рукой. - Мне тут просто нужна твоя помощь.

- Какая?

Я не успеваю ответить: из телефона доносится голос Маши - Сониной дочки.

- Я с тебя сейчас шкуру спущу, мелкий! - кричит Маша. - Где мои заколки? Я же сто раз уже просила их не трогать.

- Маша - растеряша! - кричит ей в ответ Сонин сын Паша.

- Дети, угомонитесь, - пытается урезонить потомство Соня. - Дайте поговорить.

- Пашка мои заколки куда-то засунул! - и не думает успокаиваться Маша. - А может, он их даже с балкона скинул, как папины ботинки.

- Не брал я твоих заколок, индюшка надутая! - вопит Пашка. - Ты сама их куда-то засунула.

- Дети, выйдете немедленно из комнаты! - шипит Сонька. - Мне не до ваших разборок.

- Ну мам! - не унимается Маша. - Я тебе как теперь волосы должна закалывать? Хочешь, чтобы бабушка опять сказала, что ты за дочерью не следишь?

– А я йогурт хочу! – спешит напомнить Паша. – С малиной. А еще ты мне мультики включить обещала.

Соня раздраженно сопит, но ничего не говорит. Наверное, общается с детьми языком жестов.

– Сонь, а ты куда мои носки черные засунула? – раздается на фоне сопенья обескураженный голос Сониного мужа. – Я уже все обыскал, а найти не могу.

– Оставьте меня в покое хоть на минуту! – взрывается Соня. – Я с подружкой разговариваю.

Она там чем-то стучает (наверное, дверью) и снова вспоминает обо мне, пытается говорить нарочито приветливо.

– О чем мы говорили, Тань? Я что-то потеряла нить беседы.

Мне становится неловко из-за того, что я так не вовремя звоню. Но помощи просить больше не у кого.

– Я тут статью написала, – торопливо бубню я. – Ты могла бы прочесть? Она коротенькая. Там просто надо было от лица матери написать, и я не знаю, нормально ли вышло.

Сонька вздыхает.

– С меня – шоколадка! – поспешно добавляю я. – Или две.

– Мне нельзя шоколадки, – грустно возражает Соня.

– Это кто такое сказал?

– Федя. Он вчера мне намекнул, что надо худеть.

– Вот гад! – возмущаюсь я. А потом думаю: не, Федя такого ляпнуть не мог, он же не камикадзе. Федя – это Сонин муж. Вообще, он скромный такой дядька,

совсем не склонный к риску. – А как именно он тебе на похудение намекнул?

– Он пересматривал наше свадебное видео и сказал: ах, какая ты, Сонька, хорошенькая тут.

– И?

– Что «и»? – не понимает Соня.

– Дальше что говорил?

– Ничего. Все.

– А где же тут намеки на лишний вес? – никак не улавливаю я.

– Ну как же? В день нашей свадьбы я весила минимум на десять килограммов меньше.

– Ой, Сонь, я с тебя не могу! – Я с трудом сдерживаю смех. – Ничего такого твой Федя не имел в виду.

– Я, вообще-то, своего мужа лучше знаю! – возражает Соня. – Поверь, там по глазам было видно, что он считает меня жирной коровой.

– Тогда он точно гад, – говорю я, понимая, что сейчас подругу ни в чем не переубедить. – Так я пришлю тебе статью?

– Присылай. Но я ее чуть попозже прочту, когда время удастся выделить. Мы с Федей просто сейчас пельмени собрались лепить. Я, как прочту, тебе сразу перезвоню, отчитаюсь.

– Спасибо, Сонь! – радуюсь я. – Ты меня прямо выручаешь.

Мы с ней прощаемся, и я тут же ложусь, моментально проваливаюсь в сон.

Вообще, я планировала прилечь на часок, но, когда срабатывает будильник, отключаю его и решаю поспать еще немного. Второй раз просыпаюсь от того, что кто-то снова терзает мой дверной звонок. Я бросаю взгляд на часы. Ого, уже без десяти час! Надеюсь, это не Кузнецов заранее притащился.

Скатившись с дивана и поправив на себе халат, я иду открывать.

За дверью обнаруживается Соня с детьми.

– Ты спала? – сразу догадывается она по моему помятому лицу. Соня вталкивает детей в квартиру, а сама остается на пороге.

Я стыдливо опускаю глаза:

– Спала, да.

– Не ожидала я от тебя такого, Таня, – говорит подруга заупокойным голосом. – Значит, считаешь, я плохо своих детей воспитываю, да?

– Что? – я замираю. – Сонь, ты о чем сейчас?

– Советы эти твои! Из статьи. Это ты так решила поучить меня воспитывать детей, да?

Мне прямо дурно становится. Я испуганно мотаю головой:

– Нет, Сонь! Конечно, нет. Мне просто заказали текст такой, и я хотела понять, получилось ли сойти за мамашу.

– Не получилось! – отрезает Соня. – У тебя не текст, а какие-то самовосхваления. Выгул белого пальто.

– Да? Я перепишу, – обещаю я.

– Думаешь, приятно вот так ото всех выслушивать, какая ты типа плохая мать? – Голос Сони вдруг начинает дрожать, глаза ее наполняются слезами. – Я от

свекрови наслушалась, теперь еще и ты туда же. Все, блин, такие опытные! Все прямо лучше меня бы справились.

– Сонь, ну ты чего? – я треплю ее по руке. – У меня и в мыслях не было тебя задеть. Заходи давай. Сейчас чаю выпьем, ты мне все-все расскажешь, что у тебя стряслось.

Сонька отскакивает:

– Не надо мне чая! И ничего у меня не стряслось. Я решила, Таня, тебе оказать услугу. Хочешь писать от лица мамы – наберись сначала опыта.

– В смысле?

– Я у тебя своих сейчас оставлю – до пяти часов. А ты давай сходи с ними в магазин, – цедит Соня. – И не забудь про советы свои. Поучи моих хорошим манерам, я буду только рада, если они станут вести себя в магазинах, как дети из твоей писульки.

– Сонь, ты чего несешь? – начинаю раздражаться я.

– Счастливо оставаться, подруга! – Она с безумной ухмылкой машет мне рукой и горной ланью пускается прочь.

– Соня! – кричу я вдогонку. – Соня, вернись!

Некоторое время я стою в прихожей и изо всех сил надеюсь, что подруга меня разыгрывает. Но она и не думает возвращаться.

– Теть Тань, а можно печенье? – кричит из кухни Маша. Ей девять, и она жутко самостоятельная.

– Бери, – отвечаю я и запираю дверь. Потом хватаю мобильник: может хоть по телефону Соня скажет, куда отправилась?

В трубке идут гудки, но на вызов не отвечают.

– Что это с вашей мамой приключилось? – спрашиваю я у Маши, которая уже таскается с печеньем по квартире, оставляя за собой дорожку крошек.

– Не знаю. Психанула чёт. Ой, а что это у вас? – Машка хватает шкатулку, стоящую на рабочем столе. – Можно посмотреть?

«Нет», – собираюсь ответить я, но не успеваю: Машка уже вовсю роется в шкатулке.

Я украдкой вздыхаю. Ладно, у меня там все равно нет ничего ценного. Буквально несколько побрякушек, подаренных бывшим мужем, и пара брошей.

Кто-то дергает меня за подол халата. Я оборачиваюсь: за мной стоит Паша весь в чем-то липком.

– Я в туалет хочу.

– Ага, сейчас.

Я провожаю его в ванную (она у меня совмещена с туалетом), включаю там свет.

– Заходи. Ты же сам справишься? – спрашиваю я с надеждой.

– Справится, конечно! – отвечает за брата Машка. – Ему через год в школу – он уже самостоятельный.

Машка кидается к зеркалу в прихожей и примеряет все мои украшения разом.

Я заглядываю на кухню. Там на столе растекается лужа из сиропа, который я иногда добавляю в кофе. Паша в нем, что ли, измазался? Ох, Сонька, подкинула ты мне проблем! Ко мне через час приедет Кузнецов, мне срочно надо куда-то деть детей.

Немного подумав, я набираю на мобильном номер Сониного мужа. Тот, к счастью, снимает трубку.

- Да, алле.

- Федь, это Таня Кольцова. Что у вас случилось? - спрашиваю я строгим голосом.

- Где случилось? - не понимает Федя. - Когда?

- Твоя Соня только что привела мне детей и куда-то убежала, - поясняю я.

- Серьезно? - Федя, кажется, удивлен не меньше меня. - А куда убежала?

- Так я тебе и звоню, чтобы это выяснить! - закипаю я. - Вы что, поссорились?

- Нет, не ссорились. Я вообще у мамы. У нее сердце прихватило, вот сидим врача ждем.

- Сердце? - Я вспоминаю, как Сонька жаловалась на свекровь, рассказывала, что та - симулянтка. У Сонькиной свекрови постоянно что-то со здоровьем случается, стоит только отказаться к ней в гости приехать. Но, кто знает, может, в этот раз там все по-настоящему.

- А детей ты никак забрать не можешь сейчас? - уточняю я на всякий случай.

- Ой, Тань, сейчас прямо никак, - в голосе Феди сквозит искреннее отчаяние. - Мать совсем плохая. Боюсь отвернуться лишний раз.

Мне становится мучительно стыдно за свои попытки всучить ему детей.

- Ладно, Федь, ты не переживай, - бормочу я. - Не так уж они мне и мешают. Присмотрю.

В этот момент в ванной раздается страшный грохот и звук бьющегося стекла. Я сбрасываю вызов и с вытаращенными глазами несусь туда.

Распахнув дверь в ванную, обнаруживаю Пашу стоящим на унитазе с удивленным лицом. Пол усыпан осколками. Судя по тому, что на стене над раковиной отсутствует зеркало, осколки - это именно оно.

- Паша, ты цел? - Я осторожно пробираюсь к унитазу и подхватываю мальчика на руки. - Ты не порезался?

- Нет, - говорит он.

Я оглядываю пол.

- Что ты сделал с зеркалом?

- Это не я, - мямлит Паша. - Оно само. Я просто его случайно рукой задел.

- Ой, а мама говорит, что разбитое зеркало вызывает семь лет несчастий! - радостно вопит из коридора Маша. - Теть Тань, а кто именно теперь будет несчастным, вы или Паша? Давайте Паша будет, он же разбил.

Она пытается ворваться в ванную, но я загораживаю ей проход: боюсь, что она поранится.

Паша начинает реветь:

- Не хочу быть несчастным! Не буду!

- Будешь, будешь! - вопит Машка. - И велик тебе никто не подарит теперь. И мороженого никто не купит.

- А-а-а! - голосит Паша и пытается лягнуть сестру.

Я выскакиваю из ванной:

- Дети, успокойтесь!

- Не хочу быть несчастным! - продолжает орать Пашка. - Оно само упало. Само!

- Да-да, я верю! - перекрикиваю я. - И никто не будет несчастным, не волнуйся. Это всего лишь глупое суеверие.

Машка смотрит на меня раздосадовано:

- А мама говорит, что это правда. Вы считаете, моя мама врет?

- Нет, что ты! - Я немного теряюсь. - Она просто... просто немного заблуждается.

- Моя мама всегда говорит только правду! - настаивает Машка. - И она все-все знает на свете. Она училась в школе на одни пятерки. А вы на что учились? Наверное, двоечницей были, да?

Я ставлю Пашу на пол:

- Так, ребят, мне некогда сейчас с вами обсуждать школьные годы. Ко мне сейчас должны приехать по работе. Поиграйте немного в комнате, пока я уберу осколки. Пожалуйста!

Машка тут же убегает из коридора, а Паша стоит на месте, задумчиво ковыряет край обоев у двери.

- Паша, иди играй.

Он поднимает на меня жалобные глаза:

- А можно мне один осколок себе забрать? Самый маленький!

- Паша, нет. Ты можешь порезаться.

- Я буду осторожно играть.

- Паша, иди в комнату! - Я пытаюсь придать голосу стальных интонаций.

- Какая же вы противная! - фыркает Паша. - Не зря папа говорит, что у вас мозгов нет.

- Что? - Я застываю как громом пораженная. - Что папа про меня говорит?

Паша ничуть не смущается:

- Он говорит, что вы курица безмозглая и на маму плохо влияете.

- Понятно, - я вталкиваю Пашу в комнату и закрываю за ним дверь.

Ну, Федя, погоди! Я тут, значит, с его детьми сижу, а он меня курицей обзывает. Вообще ни в какие ворота!

Бурча под нос всякие ругательства, я сметаю осколки в совок и выбрасываю их в мусорное ведро. Зеркала очень жалко, точней жаль денег, которые придется потратить на новое.

Я открываю воду, чтобы вымыть руки, но в квартире опять раздается звон бьющегося стекла. Господи, неужели эти охламоны грохнули мой ноутбук? Схватившись за сердце, я бегу в комнату: звук несся именно оттуда.

Паша опять стоит в окружении осколков с вытаращенными глазами. В этот раз не повезло моей люстре. Но это ничего, люстра - это не так страшно, как ноутбук.

- Она сама! - восклицает Пашка до того, как я успеваю что-нибудь спросить. - Я ничего не делал.

- Делал, делал, - бухтит Машка, лежащая на диване с моим планшетом. - Он в нее мячом попал.

- У вас что, еще и мяч с собой?

- Паша с ним не расстается. Он даже спит с ним и везде играет.

- А почему ты его не остановила?

Машка не отрывается от планшета:

- Ну давайте, выставите меня крайней, ага! Вечно я у всех виновата.

Я вынимаю Пашку из осколков и сажаю на диван.

– Замри! – говорю я и делаю грозное лицо. – Не шевелись.

Сбегав за совком и щеткой, включаю детям телевизор и снова принимаюсь за сбор осколков. Дети щелкают пультом, скачут по каналам, а я рыскаю по полу в поисках битого стекла. Если кто-нибудь из детей вспорет ногу, Сонька меня прикопает в ближайшем палисаднике. Да я, в принципе, и сама себе такого не прощу.

В какой-то момент я встаю на четвереньки, чтобы проверить, нет ли стекла под диваном, и внезапно чувствую затылком чужой взгляд.

Сначала я думаю, что мне просто мерещится, а потом Машка вдруг растерянно бормочет:

– Здравьете!

Я оборачиваюсь. На пороге комнаты стоит Кузнецов с ключами в руках. Взгляд у него странный, можно сказать, замороженный и сфокусирован он четко на моей филейной части.

Меня охватывает жуткий гнев. Как смеет этот свин вламываться в мою квартиру без разрешения? Мне, конечно, заплатили, но, как любой работник, я имею право на личное пространство. И надо вот прямо сейчас об этом заявить, ага.

Я открываю рот, чтобы возмутиться, но потом сразу закрываю. Кузнецов так прочно залип на моих прелестях, плохо скрываемых халатом, что, похоже, сейчас меня не услышит. У меня вообще ощущение, что он забыл, зачем пришел.

Глава 7

Не слишком грациозно поднявшись с четверенек, я одергиваю халат. Кузнецов отмирает и наконец встречается со мной взглядом. Я смотрю на него с

укоризной. Интересно, есть у него совесть, или забыли выдать при рождении?

Вместо того чтобы устыдиться, Кузнецов хмурится и скрещивает руки на груди.

- Миленькая картина! - говорит он. - Танчик, ты что, наврала в резюме?

- В смысле?

- Мне Серега показывал твое резюме. У тебя написано: в разводе, детей нет. Я поэтому тебя и нанял, посчитал, что именно ты сможешь посвятить моей личной жизни всю себя.

- Это не мои дети, - признаюсь я.

Он усмехается:

- Давай угадаю: тебе их подкинули?

- Вроде того. У подружки случилось чепе, она полчаса назад их привела.

Кузнецов, кажется, не верит. Он с хитрым видом поворачивается к детям и показывает на меня:

- Ребят, а почему не помогаем маме убираться?

- Это не наша мама! - оскорблено вопит Паша. - Наша - добрая, а эта просто ужас какой-то.

Лицо Кузнецова светлеет.

- Я уже закончила уборку, - говорю я, выбросив осколки, убираю совок и щетку в кладовку.

Кузнецов следит за мной с плохо скрываемой подозрительностью. Наверное, считает, что у меня в кладовке есть черных ход, и я могу через него ускользнуть.

- Может, перенесем нашу встречу на завтра? – предлагаю я. – С детьми как-то неудобно обсуждать рабочие вопросы.

- Мне удобно, – возражает он. – Сделай мне только чайку, что-то в горле пересохло.

Он отваливает в сторону, освобождая мне дорогу на кухню. Я покорно делаю пару шагов, но потом меня прорывает:

- А что насчет слова «пожалуйста»?

Кузнецов глядит недоуменно.

- Ты о чем?

- Когда о чем-то просите, хорошо бы говорить «пожалуйста», – напоминаю я. – По этикету вроде так положено.

На его лице отражаются усталость и недовольство.

- Я вроде заплатил за то, чтобы обойтись без всех этих расшаркиваний.

- А вот и нет! – из духа противоречия возражаю я. – В ту сумму, которую мне привезли ваши люди, не входит надбавка за хамство.

- Прямо как знал, слушай! – Он выуживает из кармана потертых джинсов несколько купюр. – Держи!

- Неужели так сложно выдавить из себя «пожалуйста»? – не верю я.

Он молча запихивает деньги мне в карман:

- Танчик, не грузи меня своими тараканами. Чайку сделай. И побыстрей.

Мы вдвоем проходим на кухню. Кузнецов выходит на балкон, с царственным видом озирает окрестности. Я, скрипя зубами, навожу ему чаю, спрашиваю:

- С сахаром?

- Да, одну ложку, - не оборачиваясь, отвечает он.

Я из вредности кладу пять. Понятия не имею, зачем это делаю, но не могу справиться с желанием напакостить.

- Готово, ваше высочество! - кричу я, ставя чашку на стол, и тут же убегаю в комнату, посмотреть как там дети.

Паша и Маша выглядят смирными. Машка, правда, уже красит ногти на ногах моих любимым лаком.

- Осторожней, - прошу я. - Не испачкай обивку дивана.

Машка закатывает глаза.

Пашка, в отличие от нее, ничего не трогает, просто воткнулся в телек.

Я беру со стола блокнот и ручку. Буду, пожалуй, записывать все, что Кузнецов расскажет, дабы потом ничего не напутать.

- Дети, мне надо немного поработать, - предупреждаю я. - Если что-то понадобится, зовите.

- А есть скоро будем? - спрашивает Паша. - У меня уже в животе урчит.

Я задумываюсь. Блин, чем покормить детей? В холодильнике у меня шаром покати: я не обманывала, когда говорила Кузнецову, что мне срочно нужно за продуктами. Впрочем, в шкафчике еще есть геркулес.

- Кашу будете? - предлагаю я. - Овсяную.

- Что? - одновременно переспрашивают Паша и Маша. Вид у них такой, будто я предложила им съестьдохлуюмышь.

- С изюмом, - добавляю я, надеюсь, что они проникнутся.

- Какая гадость! - морщится Пашка, а потом по лицу его вдруг катятся слезы. - Я хочу к маме. Почему она нас бросила? Почему? - Пашка откидывает голову назад и даже немного подвывает. - Я ненавижу кашу, я ее не бу-у-ду. Я лучше просто умру от голода.

Я подскакиваю к нему:

- Паша, тише. Я не заставляю тебя есть кашу. Не хочешь - не надо.

Его слезы тут же высыхают, на лице появляется деловитое выражение.

- Правда? Что же вы тогда приготовите?

- А чего бы тебе хотелось?

- Картошку фри! - сразу отвечает он. - И наггетсы.

- А я хочу суши, - вторит брату Маша. - Давайте закажем где-нибудь, а?

- Это идея! - соглашаюсь я. Но, когда хватаюсь за телефон, вспоминаю рассказ Сони о том, как Маше однажды стало плохо из-за какой-то рыбы. Ей даже скорую вызывали. У нее, кажется, случился отек Квинке.

Вот мне не хватало только Сониных детей угробить, ага.

- Маш, может, тебе тоже картошки? - робко предлагаю я.

Она дует губы.

- Нет. От картошки толстеют, а я не хочу превратиться в кабаниху.

- Тогда, может, пиццу?

- Фу! - орет Пашка. - Я на нее смотреть уже не могу.

- Я тоже! - подхватывает Маша. - И мама говорит, что там пальмовое масло.

Мое терпение лопается.

- Так, ребят, я не ресторан, - бурчу я. - Не согласны на пиццу, будем есть пельмени. Сейчас я быстро переговорю с гостем, а потом мы пойдем в магазин.

Дети кривятся, но я игнорирую их скорченные мордочки.

Когда я возвращаюсь на кухню, Кузнецов уже сидит за столом, помешивает чай ложкой.

- Василий, давайте к делу! - Я тоже присаживаюсь. - Расскажите, какой информацией о себе вы готовы делиться с потенциальными невестами.

Он делает глоток чая и тут же меняется в лице.

- Это что за гадость? - Василий показывает взглядом на кружку. - Пить невозможно.

Я развожу руками:

- Увы, я плохо готовлю. Извините, что не предупредила.

Он встает, выливает чай в раковину, а потом протягивает кружку мне:

- Попробуй еще раз. Будешь практиковаться до тех пор, пока я не получу что-то нормальное.

Под зорким наблюдением мне приходится сделать ему еще одну чашку чая. Потом я с видом прилежной ученицы раскрываю блокнот.

- Итак, Василий, что мне следует написать на вашей странице в «Контактке»?

Он задумывается, самодовольно щурится.

– Танчик, самое важное, что тебе следует помнить: я не хочу светить богатством. Придумай мне какую-нибудь простую профессию. Я хочу, чтобы девушки клевали на мой богатый внутренний мир, а не на бабло.

Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться. Не, ну каков фрукт! Сам, значит, с людьми как с ветошью обращается, но мечтает о большой и чистой любви.

– Хорошо, я запомню про богатство, – обещаю я.

В кухню вваливается Паша:

– Теть Тань, у меня в глазах темнеет.

– В смысле?

– От голода темнеет, тетя Тань, – Пашка вытягивает перед собой руки и демонстративно хватается за воздух. – Я, кажется, сейчас потеряю сознание.

За Пашкой всплывает Маша.

– Он не обманывает, – с мстительным видом говорит она. – Паша уже однажды падал в обморок от голода – у бабушки в гостях.

Я подскакиваю со стула:

– Значит, варю геркулес!

– Геркулес? Ой, мне нехорошо, – Паша зажимает рот руками, будто его тошнит.

Я кидаюсь к холодильнику, шарю взглядом по полочкам.

– Еще помидор есть. И одна морковка. Будешь морковку? Хотя погоди, вот тут в пакете, кажется, сушки еще завалились.

Я выхватываю из холодильника и протягиваю ему пакет. Пашка чуть покачивается, а потом, закатив глаза, начинает оседать на пол.

Сегодня явно не мой день. Сначала меня похитили, потом подкинули мне детей, а теперь Пашка нашел самое неудачное место для обморока. Он падает прямо рядом со шкафчиком с мойкой, рискуя приложиться о него головой. К счастью, в ситуацию вмешивается Кузнецов. Он подскакивает со стула и подхватывает Пашку, а потом аккуратно опускает на пол.

- Это вы! - как резаная верещит Маша, тыча в меня пальцем. - Вы довели Пашу до обморока!

Мне нечего возразить. Я с ужасом смотрю то на Пашку, то на Кузнецова, который уже вернулся за стол и снова взял в руки чашку.

- Господи, что делать? - спрашиваю я. - В скорую позвонить?

- Не надо, - меланхолично отзывается Кузнецов. - Пускай лежит. Не мешает вроде.

Я ушам своим не верю:

- В смысле, не мешает? Вы предлагаете оставить его в таком состоянии?

Кузнецов шумно отхлебывает чай, а потом косится на Пашку.

- Ну хочешь, я его немного в сторону отодвину?

Даже Машка роняет челюсть от такого предложения, а уж я и подавно теряю дар речи.

Не дождавшись ответа, Кузнецов делает еще глоток чая, а потом, брякнув чашку на стол, довольно скалится.

- На чем мы там остановились? На легенде, кажется, да? - Он замечает на столе крошки сахара и, лизнув палец, быстро собирает их на него, а после отправляет палец в рот. - Пиши, значит, Танчик, что я из маленького городка. Работаю

обычным менеджером, по вечерам хожу в тренажерку. Про жилье не распространяйся.

Я зажмуриваюсь, выжидаю несколько секунд и лишь потом открываю глаза. Ничего не изменилось: Паша по-прежнему в отключке, а Кузнецов сидит за столом с довольным видом.

– Наверное, надо и фотки какие-нибудь у меня на странице выложить, да? – продолжает разглагольствовать он. – Может, у тебя сейчас и нащелкаем? На телефон.

Я опускаюсь на колени рядом с Пашей, зачем-то трогаю его лоб. В голове у меня каша. Не пойму, что делать: звонить врачам или самой гуглить правила первой помощи при обмороках.

Кузнецов наконец отвлекается от своей личной жизни, подходит ко мне.

– Таня, вернись за стол, – раздраженно шипит он. – Я перед кем, вообще, распинаюсь?

Я отшвыриваю в сторону дурацкий пакет с сушками.

– Василий, отстаньте хоть на минуту! Ребенку плохо, а вы все о девках думаете.

Крепкие мужские руки ложатся на мои плечи и до того, как я успеваю что-то понять, оттаскивают меня от Паши.

– Танчик, угомонись. Ничего с ним не будет, – бурчит Кузнецов.

Я брыкаюсь:

– Мы должны привести его в чувства! Мы должны ему помочь!

– На фига? – Кузнецов отпускает меня, разворачивается к Маше, которая застыла у стены как вкопанная. – А ты, девочка, кстати, не хочешь рядом с братом хлопнуться? Ты давай, не стесняйся. Места еще много.

Я смотрю на него с ужасом.

- Вы же говорили, что любите детей.

- Люблю, ага, - подтверждает Кузнецов и грубо треплет Машу за щеку. - Они же такие милые зайчики.

Машка взвизгивает и отшатывается. Кузнецова это ни капли не смущает, он поворачивается ко мне и достает телефон:

- Пойдем сфоткаешь меня. На балконе.

Я пытаюсь возражать, но он все равно выталкивает меня на балкон, захлопывает за нами дверь.

- Василий, пожалуйста, отпустите: мне надо позвонить в скорую, - мямлю я, потрясенная его напором.

Он перестает ухмыляться, смотрит серьезно:

- Танчик, ты совсем, что ли, лохушка?

- Что? Да как вы смеете! - Я задыхаюсь от возмущения. - Я не позволяю общаться со мной в таком тоне.

- Ты не видишь, что тебя разводят?

- Кто разводит? Вы о чем?

Он укоризненно качает головой.

- Прояви уже терпение. Сейчас Паше твоему надоест комедию ломать, он и очухается, - Кузнецов косится в окно. - Вон, кстати, уже шевелится.

Я заглядываю через стекло в комнату. Пашка почесывает нос и чуть ерзает, а потом снова расплывается в прежней позе.

– Упрямый, чертяка! – одобрительно замечает Кузнецов. – Далеко пойдет.

Я даже не знаю, что сказать.

– Ну ты это... Фоткай давай! – Кузнецов передает мне телефон, а потом облакачивается о перила. Немного подумав, он откидывает голову назад и смотрит на меня с легким прищуром. Косит, типа, под мачо.

Я еще раз заглядываю в комнату. Паша опять ерзает – значит, точно притворяется. Наверное, он в Сонькину свекровь пошел, перенял, так сказать, ее штучки.

– Танчик, я жду! – напоминает Василий.

Я со вздохом поворачиваюсь к нему. Как же все не вовремя: и разговор наш, и фотосъемка.

– Фоткай, пока у меня шея не затекла, – поторапливает Кузнецов.

– Ага, сейчас все будет, вы только лицо проще сделайте.

– Оно у меня и так несложное.

Я ловлю его в объектив камеры:

– Ну вы хотя бы улыбнитесь.

Кузнецов возвращает голову в нормальное положение.

– Зачем?

– Чтобы понравиться будущей жене, конечно.

– Я и так понравлюсь.

– Ладно, не хотите – не улыбайтесь. – Я тут же щелкаю камерой телефона.

– Эй, я еще не встал, как надо! – Кузнецов спешно пытается вернуться к позе самодовольного самца.

Для его успокоения снимаю его и в таком виде. А потом происходит странное: Кузнецов начинает расстегивать рубашку. Получается у него очень сексуально. Я на пару секунд засматриваюсь, облизываю губы:

– Василий, вам что, жарко?

– Нет.

– Для чего тогда вы расстегиваетесь?

– Я хочу сделать пару фото с голым торсом, – поясняет он. – Я ведь и правда хожу в тренажерку.

Кузнецов стягивает рубашку, кидает ее на табурет, стоящий в углу балкона. Должна признать, Василию есть чем гордиться. Он мускулист, да и кубики на животе имеются.

На этих самых кубиках я, кажется, задерживаю взгляд дольше, чем допускают приличия. Но мне ведь простительно: я не видела раздетых мужиков с самого развода.

Кузнецов замечает, какой эффект произвели на меня его мускулы, и на лице его опять проступает самодовольство.

– Нравится? – больше утверждает, чем спрашивает он.

– Вы в отличной форме, – признаю я, поспешно отводя взгляд. – Но вряд ли фото с голым торсом добавит вам очков.

– Почему это?

- Это мужчины любят глазами, а мы, женщины, в первую очередь, обращаем внимание на другое.

- И на что, интересно? - ехидно уточняет он. - На кошелек?

- Нет, на поступки.

Кузнецов смотрит на меня снисходительно:

- На свидании я впечатлю поступками. Но до него еще нужно идти.

- Вот именно! - киваю я. - Полуголое фото прямо кричит, что вы кобель. Серьезные девушки вас забракуают.

- Не говори глупостей! - отмахивается он. - Серьезные девушки тоже любят горячих парней.

Ну и придурок! Зачем он вообще меня нанял, если даже не пытается прислушиваться к моим советам?

- Я бы вас точно забраковала, - цежу я.

Наши взгляды скрещиваются.

- Это не аргумент, Танчик, - с усмешкой возражает Кузнецов. - Может, у тебя просто слабая половая конституция? Я не слишком расстроюсь, если такие ледышки, как ты, будут обходить меня стороной.

- Как специалист, я все-таки рекомендую вам отказаться от обнаженки, - мрачно говорю я.

Он раздражается, скрещивает руки на груди:

- Хорошо, допустим, я откажусь. Но на что тогда мне цеплять девушек?

– Можно заснять, как вы что-то готовите, – предлагаю я. – Или как сажаете дерево. Это как раз будет про поступки.

– Сажаю дерево? – Его голос источает ехидство. – Где ты раньше-то была? Я за свою жизнь тысячи деревьев уже посадил и не знал, что это надо было запечатлеть.

– Зачем вы сажали деревья? – не понимаю я. – Где?

– Танчик, ты от стресса, что ли, подтормаживаешь? – Он пару раз щелкает пальцами у моего лица. – Тебе же Серега говорил, что у меня свой агрокомплекс.

– Разве? У вас же аптеки...

В голове у меня проясняется. Боже, я – идиотка! «Кузнецовфарм» – это от английского слова «ферма», а не от слова «фармацевтика». Кузнецов у нас фермер. Деревенщина!

– Ох, теперь понятно, – вырывается у меня.

Кузнецов напрягается:

– Что именно тебе понятно?

– Все.

Глава 8

Резкий стук в балконную дверь заставляет нас с Кузнецовым вздрогнуть. По стеклу расплывается лицо Пашки.

– Теть Тань, а может, все же наггетсы закажем? – робко канючит он. – Я Машку уговорю, чтобы не спорила.

Вид у него крайне несчастный. Хотя это и понятно: на пацана столько всего свалилось – сначала у мамки кукушку перемкнуло, а теперь еще и чужая тетка голодом морит.

– Василий, давайте сделаем небольшой перерыв, – умоляю я. – Мне нужно метнуться за продуктами, чтобы было чем покормить детей.

– Ладно, – снисходит он. – Но шопиться пойдем вместе.

– Это еще зачем?

– Чтобы быстрее было. Вы, женщины, в магазинах ведете себя как куры: тарашитесь по сторонам, общаетесь с бабульками всякими. А у меня времени в обрез. Я пойду с тобой и проконтролирую, чтобы ты ни на что не отвлекалась.

Я ему крайне признательна за сговорчивость, потому не спорю, даже из благодарности предлагаю:

– Давайте я вас все же сниму вот так – полураздетым. На странице в «Контактке» выкладывать не буду, но, может, для личной переписки и пригодится.

Кузнецов оживляется. Он всячески демонстрирует мне свои мускулы, а я щелкаю камерой.

– Можно еще и на диване пофоткаться, – чуть погодя предлагает он. – Типа я такой горячий, лежу и жду в ночи свою единственную.

– Ну пойдете.

Мы выгоняем из комнаты Машку, и Кузнецов разваливается на диване.

– Классный? – спрашивает он, закидывая руки за голову.

Я стараюсь не ржать.

- Вообще огонь!

Он светится от удовольствия. Я несколько раз щелкаю камерой, а потом захожу в раж.

- Больше экспрессии, жеребец! - командую я. - Вдруг и правда будет с кем-то жаркая переписка.

- Если будет, ты мне сразу пиши, я тебе еще каких-нибудь фоток скину.

- Интересно, каких? Мужское достоинство, что ли, сфоткаете?

Он ни капли не смущается.

- Могу и его.

- Вы серьезно? - Я даже замираю на пару секунд. - Вы будете слать мне фотки интимного характера, чтобы я их пересылала девушкам? Да ну на фиг!

- А что такого? - Кузнецов, кажется, не понимает, чем я обескуражена. - Природа меня не обидела, есть чем похвастаться.

- Так, все. - Я отключаю камеру телефона. - Натягивайте рубашку и пойдете.

- Твою ж мать... - Кузнецов странно дергает рукой. - Что за...

На его запястье выступает кровь.

- Что случилось? - не понимаю я.

Он приподнимает одну из диванных подушек и достает из-под нее огромный кусок стекла. Я сразу опознаю в нем часть своей многострадальной люстры.

- Паша! - реву я.

Сын подруги прибегает к нам со счастливым видом. Я показываю на осколок в руках Кузнецова:

- Твоих рук дело?

Пашка стремительно краснеет, потом бледнеет.

- Я тут ни при чем! - бормочет он. - Меня Машка заставила. Я не хотел брать.

- Пластырь есть? - с невозмутимым видом вмешивается в наши разборки Кузнецов.

- Да, есть, - спохватываюсь я. - Сейчас принесу.

Я бегу в прихожую - к сумочке, выуживаю из нее пачку пластыря. Я его только недавно купила: как чувствовала, что пригодится.

Машка и Пашка жмутся к двери с виноватым видом. Наверное, уже и не надеются на перекус.

Я возвращаюсь в комнату, швыряю пластырь Кузнецову.

Когда он распечатывает коробку, глаза его лезут на лоб. Дело в том, что пластырь у меня веселый - с картинками: с розовыми зайцами и разноцветным мороженым.

- Это что? - рычит Кузнецов.

- Что было в супермаркете по акции, то и взяла, - огрызаюсь я.

Он чертыхается. Я подаю ему салфетку, чтобы вытереть кровь. Порез у него внушительный.

- Ладно, залепляй, - соглашается Кузнецов, видя, что кровь и не думает останавливаться. Я тут же наклеиваю ему на руку несколько цветастых прямоугольников.

- А вам даже идет! - смеюсь я. - Вы сразу такой праздничный стали.

Он внезапно хватает меня за руки и тянет на себя. От неожиданности я теряю равновесие и падаю. Правда, Кузнецов ловит меня в объятия, а потом перекашивает на диван.

- Ай! - пишу я. - Вы чего?

- Это мсть! - цедит Кузнецов. - За пластырь.

Он наваливается на меня, наши лица оказываются близко-близко. Мне вдруг становится нестерпимо жарко.

- Нравится издеваться надо мной? - хрипло шепчет Кузнецов. - Удовольствие получаешь?

- Что? У меня и в мыслях не было издеваться.

Он убирает с моего лица прядь волос, прищуривается.

- Лучше не обижай меня, Танчик. Я с детства злопамятный.

- Я... Вы... - Мысли в голове путаются. На меня уже сто лет не наваливались полуголые мужики. Да и, если говорить откровенно, мускулистые парни вообще не наваливались на меня ни разу. За всю жизнь у меня был лишь один мужчина - мой муж. Он с детства довольно худенький, хоть и ел всегда за троих.

Пока я все это обдумываю, Кузнецов встает, подхватывает рубашку.

- Переодевайся давай, - сердито говорит он. - Или ты собираешься идти в халате?

- А вам не все равно, как я пойду?

Он пожимает плечами.

– В принципе, мне без разницы. Я просто хочу быстрее уже сходить в магазин и продолжать работу. У меня вечером еще одна важная встреча, мне надо на нее успеть.

Он выходит из комнаты и прикрывает за собой дверь. Видимо, намекает так, чтобы приступала к сборам.

Я снимаю халат, бросаю его на диван.

Дверь вдруг приоткрывается, в проеме появляется лицо Кузнецова.

– Танчик, мы тебя на улице подождем, – говорит он. – Пусть дети порезвятся немного, пока ты тут марафет наводишь.

Его как будто не смущает, что я стою посреди комнаты в одном белье. А я никак не могу решить: мне лучше прикрыться или сохранять невозмутимость?

– Осколок выбросить не забудь, – напоминает Кузнецов. – Пока еще кто-нибудь не наткнулся.

– Ага, выкину.

Он собирается скрыться за дверью, но спохватывается.

– А телефон мой где?

– На столике в прихожей, рядом с сумочкой. Я оставила его там, когда ходила за пластырем.

– Кстати... – Кузнецов смотрит многозначительно и молчит.

– Что? – не выдерживаю я. – Что, кстати?

Он медленно, с наслаждением очерчивает взглядом мою фигуру.

– Обои у тебя прикольные.

Мне хочется швырнуть в него что-нибудь тяжелое. Утюг, например. Или горшок с фикусом. Но, конечно, я держу себя в руках. В квартире дети, если я нанесу Василию тяжкие телесные повреждения, это может повредить их психику.

- И все же я бы, на твоем месте, лучше покрасил стены, - добавляет Кузнецов. - Обои при горении выделяют опасные вещества.

- Василий, не время обсуждать обои,- скрежещу я, - тем более я их поджигать не собираюсь. Дайте мне уже переодеться!

- Ой, прости, - Его губы трогает улыбка. - Переодевайся, конечно.

Он еще раз оглядывает комнату.

- М-да... У тебя еще и окна пластиковые. Случись чего - надышишься гадости.

Я подхватываю с дивана одну из подушек и запускаю в Кузнецова. Он понимает намек - отваливает наконец и захлопывает дверь.

Кошмар какой-то! Такого чокнутого заказчика у меня еще не было. А может, не стоило доверять ему детей?

А-а-а! Точно не стоило.

Меня охватывает паника. Я бросаюсь к шкафу, выуживаю первые попавшиеся майку и шорты. Сердце бухает где-то в ушах, руки дрожат. Я впопыхах одеваюсь, отключаю телек и выскакиваю в прихожую. Но там уже никого.

Наверное, когда я выбегаю во двор, вид у меня немножко чокнутый. Воображение рисует страшные картины киднепинга и жестокого убийства (Соней меня). Но опасения оказываются напрасными. Василий и дети играют на площадке с фрисби. С ними еще какие-то мальчишки и бодрый дядька пенсионного возраста. Все кричат и визжат, то и дело валятся на газон.

Мне неловко прерывать такую задорную игру. Я сажусь на скамейку и терпеливо жду, когда на меня обратят внимание. Происходит это минут через пятнадцать. Меня замечает Пашка, говорит об этом Василию. Василий начинает махать мне, приглашая присоединиться к игре. Вид у него такой взъерошенный и счастливый, что на мгновение получается вообразить, как Василий выглядел, когда был мальчишкой.

Я жестами напоминаю ему, что нам надо в магазин. Василий отмахивается. Я – человек слабохарактерный, потому решаю дать ему и детям еще десять минут.

Выделенное мною время незаметно подходит к концу. И тут ко мне подсаживается незнакомая бабуля в голубом сарафане и босоножках на шерстяной носок.

– Какие детки у вас хорошенькие! – говорит она. – На папу похожи.

Я молчу. Понимаю, что если начну объяснять, кто тут из нас кому приходится, запутаю бабушку. Да и вообще непонятно, как окрестить Кузнецова. Кто он мне? Клиент? Звучит жутко пошло.

– А у нас тут неподалеку кружок по шахматам заработал, – продолжает бабуля, – не хотите своих отдать? Кружок очень хороший. Моя племянница ведет. У них там и кулер есть, и скамейки, и даже кондиционер скоро поставят.

– Мои дети шахматами не интересуются, – бормочу я.

– Так надо заинтересовать! – Бабулю переполняет энтузиазм. – Вы не ленитесь, приводите детей в кружок. Шахматы, они же мозги развивают, и успеваемость школьная от них улучшается.

– Ладно, я подумаю над этим, – обещаю я, надеясь, что бабуся теперь отстанет.

– Да что думать! – рыкает бабуля. – Вы на пробное занятие сначала сходите, а потом думайте. Я вас сейчас запишу.

Она со скоростью фокусника выуживает из кармана сарафана телефон и начинает кому-то названивать.

– Не надо, – оторопело мямлю я. – Не надо нас никуда записывать, пожалуйста! Мы, может быть, скоро на море уедем.

– Да не волнуйтесь, – посмеивается бабуля. – Я вас прямо на завтра и запишу.

Я молюсь, чтобы она никуда не дозвонилась, но мне не везет. Абонент старушки снимает трубку уже после второго гудка.

– Катюш, а я тебе учеников нашла! – радостно сообщает в телефон бабушка. – Завтра в одиннадцать посмотришь их? Что? Ну да, способные. – Бабуля косится на Машку с Пашей. – Ты не представляешь, какие детки хорошие: все на лету схватывают! Фамилия? Сейчас спрошу?

Бабуля смотрит на меня:

– Какая у вас фамилия?

– Кольцова, – бормочу я, не имея понятия, как выкручиваться.

– Кольцовы они! – кричит бабуля в трубку. – Записала? Давай тогда, до вечера. Не забудь окрошку в холодильник убрать, как поешь.

Я вжимаюсь в скамью и умираю со стыда.

– Вон в том доме, с торца вход, – объясняет бабуля, активно жестикулируя. – Катя моя вас на крыльце встретит. Она у нас педагог ответственный, детей любит.

– Мы в магазин-то идем? – раздается над моей головой недовольный голос Кузнецова. – Или ты так и будешь тут лясы точить до вечера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/trifonenko_elena/zhenit-chudovische

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)